ДЕКАБРЬ
1
СРЕДА
1937 год.
№ 65 (701)
Цена 30 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Сергей Миронович Киров на V ленинградской областной и II городской партконференции (январь 1934 г.). (Союзфото).

* * *

Киров

Читая воспоминания товарищей, знавших С. М. Кирова в различные периоды его жизни и работы, — всегда находишь в самых маленьких деталях, в самых, казалось бы, незначительных эпизодах присутствие самой основной черты кировского характера — пламенности. Киров всегда горел. Равнодушие не было присуще ему совершенно. Страстный охотник, страстный, восторженный любитель природы, страстный, восторженный организатор, вдохновенный строитель, страстный трибун, пламенный оратор и блестящий полемист, — он был из той породы большевиков, которая дала партии ее бессмертных вождей. Какой бы крохотной ни была данная, на сегодня поставленная, задача, — Киров решал ее всем пылом своего характера, всей мощью упорства. Он был поэтом партийной работы. Мне кажется, он во многом должен был напоминать покойного Свердлова. «Каждое наше бревно, каждый пуд нашей нефти, вообще говоря, пахнут не только лесом, не только нефтью, они пахнут еще большевизмом, прочностью и крепостью пролетарской диктатуры» — в этих словах весь Киров.

В январе 1919 г. Центральный комитет партии командирует С. М. Кирова в Астрахань с поручением организовать 11-ю армию и установить связь с зафронтовыми районами — с Баку, Петровском и Тереком.

Он превращает Астрахань в неприступную крепость большевизма, в противовес указаниям Троцкого, еще летом 1919 г. пробовавшего эвакуировать Астрахань. Киров превращает устье Волги в важнейший участок гражданской войны, оказавшей немалое влияние на оборону Царицына и огромное — на организацию партийных сил на Северном Кавказе. После разгрома мусаватистов — Киров в Баку. Беспощадно громит троцкистов, национал-уклонистов, организует кадры азербайджанских большевиков и увлеченно, вдохновенно строит советскую нефтяную промышленность, над планами восстановления которой непосредственно работали Ленин и Сталин. В качестве председателя комиссии по нефтяным делам товарищ Сталин был вдохновителем под'ема нефтяного хозяйства. Покойный С. М. Киров таким образом воплощал в жизнь сталинские идеи по созданию одной из самых важных отраслей социалистического хозяйства — нефти, той самой нефти, за которой лезли в Закавказье немцы и англичане. Вопросы нефти не были только вопросами внутренней топливной политики, это были проблемы большой международной политики, проблемы нашей военной победы над всяческими интервентами.

Затем Ленинград, борьба с троцкистами и зиновьевцами, полный и беспощадный разгром их и страстное, восторженное строительство ленинградской металлургии, по поводу которой существовали мнения, что восстанавливать ее не следует.

Мнение мотивировалось тем, что питерские заводы возникли до разработки руд Кривого Рога и углей Донбасса, на ввозном английском угле и шведском чугуне.

Киров резко отверг эти мнения. Существовал героический ленинградский пролетариат, один из самых производственно-опытных отрядов нашего рабочего класса, и не проблемы угля должны были определять его судьбы. Киров направляет все усилия к созданию в Ленинградской области рудной и топливной базы. Десятки научных экспедиций разведывают Кольский полуостров. Находят железные руды. Находят суррогаты руд, разрабатывают способы ведения металлургических производств на торфе и торфяном коксе. Ставится разработка хибинских апатитов. Возникает первая палатка будущего городка Кировска. Но идея будущего города сложна и влечет за собой десятки иных, подчас, еще более сложных, чем сама она, проблем. Возникает проблема арктического сельского хозяйства. Закладываются первые арктические опытные поля и огороды. Первая морковь и первый лук, выращенные у полярного круга, сразу упрощают проблему заселения крайнего Севера. Судьба будущей Игарки и будущих побед советской власти по освоению Севера определяется в Ленинградской области.

Покойный академик Лебедев, изобретатель синтетического каучука, рассказывал, с каким страстным увлечением относился Киров к поискам синтетического каучука, как он ободрял ученых, вселяя в них веру в успех, мечтал о будущем каучуке и как восторженно радовался, когда Лебедев принес ему первую пробу синтетического каучука в лимонадной бутылке.

Приехав однажды из Москвы в Ленинград с утренним поездом и идя пешком на Петроградскую сторону, — я перед Дворцом Урицкого (бывшем Зимнем) увидел С. М. Кирова в кругу рабочих, ремонтировавших площадь. Он сидел на горке булыжника и что-то веселое рассказывал им, пока они завтракали. Кепи его было сдвинуто на затылок, пальто растегнуто, он что-то показывал руками, и окружающие его несколько десятков людей заразительно хохотали.

А какие трогательные встречи с Кировым помнят рабочие нефтяных промыслов в Баку, гянджинские и луганские хлопководы, хибиногорские геологи и агрономы!

Будучи месяц в Казахстане, он об'ездил его вдоль и поперек, и, как вспоминают товарищи, там работающие, тотчас упрекнул их в недостатке «большевистской жадности к работе».

«Должен сказать, что работа организована плохо, так нельзя работать при большом урожае, — говорил он о постановке колхозной работы. — Я уже не сравниваю с тем, как работают на фабриках и заводах — подойдешь к человеку... так он настолько увлечен работой, что забывает, как его зовут. А тут приходишь и видишь бригадира — руки в карман положил и ходит, вместо того, чтобы работать по-боевому. **Раз ты бригадир, при таком хлебе двадцать раз согнись. Раз ты председатель колхоза, пятьдесят раз согнись и остальные за тобой потянутся».** (Подчеркнуто нами).

Сам С. М. Киров умел сто раз согнуться перед работой и тянул, вел, воспитывал тысячи отличных большевиков.

Неутомимо жадный к работе, он любил таких, которые горели на работе, — и как подробно помнил он таких людей, и как умел рассказывать о них с жаром и вдохновением истинного художника, каким он, конечно, и был.

Смерть С. М. Кирова — такая тяжелая утрата, что невозможно измерить глубину ее словом.

Печаль о Кирове должна быть по-кировски страстной и выразиться в бдительности, в борьбе с отребьями троцкистско-бухаринской банды, с остатками капиталистических пережитков, в ярой борьбе с равнодушием к жизни и работе, тоже пережитком чужого мировосприятия.

Наша печаль о Кирове должна быть страстной, возбуждающей жадность к жизни и работе, любовь и верность партии и Сталину, преданнейшим учеником которого всегда был Сергей Миронович.

П. ПАВЛЕНКО

«С. М. Киров в художественной литературе»

ЛЕНИНГРАД **(наш корр.)**. Ленгослитиздат выпустил большой сборник **«С. М. Киров в художественной литературе»**.

В нем собраны лучшие произведения советской литературы, посвященные бессмертной памяти вождя ленинградских большевиков, злодейски убитого трижды проклятой троцкистско-бухаринской шайкой.

Книга открывается речью А. А. Жданова, произнесенной на собрании ленинградского актива, посвященном памяти С. М. Кирова, 1 декабря 1935 г.

В сборник вошли: стихи советских поэтов и произведения фольклора, отрывки из книг: «Мальчик из Уржума» А. Голубевой и «Повесть о товарище Кирове» Б. Житкова, Б. Ивантера, А. Некрасова и Б. Шатилова, а также очерки М. Кольцова, Вс. Вишневского, Н. Тихонова, Вс. Иванова. Включены в сборник и стихотворения на смерть Кирова, написанные детьми.

Микола Бажан

Из поэмы о Кирове

Как хорошо на свете!
 Как мир сегодня молод!
Звенит, мерцает чистый
 и нежный снеговей.
Горит, переливаясь,
 в летучих искрах город,
Земля в снегу синеет,
 и сумерки над ней.
И во Дворце культуры
 ряды просторных окон
зажглись уже, и сразу
 прожектор над Невой
Плеснул и взвился в небо,
 и вот в луче далеком
Зашевелилась туча
 громадой снеговой.
Прислушиваясь к шуму,
 к дыханью городскому,
Стоит товарищ Киров,
 его спокоен взгляд,
Ему забот высоких
 величие знакомо,
Его глаза сквозь годы
 и сквозь века глядят.
— Домой? — Домой. Сегодня
 день выходной, но отдых
Еще не скоро. Дома —
 в обложках голубых
Страницы материалов,
 колонки цифр холодных,
Но пламя вдохновенья
 уже коснулось их.
До самой поздней ночи,
 до самого рассвета,
Дымя своей махоркой,
 меж дымных облаков,
Перебирать отчеты,
 и письма, и газеты,
Искать для мыслей точных
 таких же точных слов.
Мечту вложить в решенье,
 в приказ и в лозунг надо.
Бороться, состязаться...
 Внезапно телефон,
Родной раздался голос:
 «Не спишь, Сергей? К докладу
Готовишься? Отлично.
 Но вспомни и про сон...»
Знакомый голос слышен
 единственный на свете,
Других таких не знает,
 не ведает земля,
И теплой дружбы полны
 слова простые эти,
Что родились в спокойном
 величии Кремля.
В Кремле не спит учитель
 и друг его великий,
И зори над Москвою
 рассветные стоят.
Как радостно работать!
 Уже на окнах блики.
Ноябрь уже окончен.
 Светлеет Ленинград.
Уже декабрь, и утро
 исполнено покоя,
И Киров встал, и штору
 приподняла рука:
«Вставай же, солнце! Сердце
 да здравствует живое!
Да здравствует бессмертный
 огонь большевика!»
Да здравствует бессмертье!
 Вовек священна слава
Героев, в мир пришедших,
 чтоб смерть перебороть.
И жить в миллионах жизней —
 высокое их право,
Оно дано бессмертьем
 и влито в дух и плоть.
Жизнь побеждает, — значит,
 для жизни нет преграды,
Ни выстрелом, ни ядом
 прервать ее нельзя.
Змею лишите жала
 и раздавите гада,
Смерть отступить заставьте
 и славьте жизнь, друзья!
Встают творцы бессмертья,
 мыслители, герои,
И день встает над миром,
 начальный день веков.
Живи, живое сердце
 и творчество живое!
Да здравствует бессмертный
 огонь большевиков!

Перевел с украинского

НИК. УШАКОВ

Красные знамена с черною каймой

Красные знамена
С черною каймой,
Что вы нынче свесились
Над родной землей?

Что кумач ваш алый
Трауром повит?
И знамена молвят:
«Киров, вождь, убит...»

Но тогда, знамена,
Я дивлюся вам:
Почему вы черные
Только по краям?

Почему, как прежде,
Ярок перелив?
И знамена молвят:
«Киров вечно жив!»

Боремся и строим,
Славный путь велик.
С нами, в сердце нашем —
Киров-большевик!

Записано со слов колхозника Авраменко в с. Устиновка, Донецкой области, Украинской ССР.

Встреча тов. М. А. Шолохова со своими избирателями

НОВОЧЕРКАССК, 30 ноября. Вчера более двух тысяч избирателей Новочеркасского избирательного округа встретились в индустриальном институте со своим кандидатом в депутаты Совета Союза Михаилом Александровичем Шолоховым. Его яркая речь была выслушана с большим вниманием и не раз прерывалась аплодисментами.

Речь тов. М. А. Шолохова

Товарищи, во всех речах кандидатов в депутаты Верховного Совета, опубликованных в нашей печати, звучит чувство гордости, вызванное тем доверием, которое оказывает своим избирателям народ. **(Бурные аплодисменты).** Этим чувством, товарищи, преисполнен и я. Но к этому чувству законной гордости у меня примешивается еще и чувство личной радости, возникшей потому, что я буду баллотироваться именно по одному из донских избирательных округов. Я родился на Дону. Рос там и учился, формировался как человек и писатель и воспитывался как член нашей великой коммунистической партии. **(Аплодисменты).** И будучи патриотом своей великой, могучей родины, я с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного донского края. **(Аплодисменты).**

Товарищи, ваш старый город много слышал речей о любви к родине. Говорили о любви к родине и в годы гражданской войны. Говорили об этом и атаман Краснов и прочие подобные ему политические пройдохи и выжиги. Говорили и одновременно приглашали на донскую землю немецких оккупантов, а потом и так называемых «союзников» — англичан и французов. Говорили о любви к родине и одновременно торговали кровью казаков, обменивая ее на предметы вооружения для борьбы с советской властью, с русским народом.

Сейчас о любви к родине говорит все многомиллионное население Советского Союза, готовое своей кровью защищать границы страны. Но любовь к родине отнюдь нельзя рассматривать как какую-то особую заслугу человека. Это его долг — любить страну, которая воспитала его и вскормила, как родная мать.

Нашу родину любят 170 миллионов трудового народа. И если из 170 миллионов нашлось несколько тысяч мерзавцев, политически проституированных людей, — все эти троцкистско-зиновьевско-бухаринские подонки, которые торговали не только собой, но и родиной, то эти люди вызывают у нас не удивление, а омерзение, равного которому нет и не будет.

Донское казачество, давшее таких великих бунтарей против самодержавия, как Разин и Пугачев, в годы революции обманутое генералами, было вовлечено в братоубийственную войну с трудовым русским народом. Но, поняв свою ошибку, казачество отошло от белого движения и сейчас на деле под руководством партии большевиков, под руководством гениального человека нашей эпохи — товарища Сталина строит свою радостную и счастливую жизнь.

В недавнем прошлом, в 1918 году, донскую воду пили кони баварских кавалеристов. Сапоги немецких солдат топтали донскую землю. Краснов опирался на иноземные штыки, чтобы при их помощи задушить молодую советскую власть. Они хотели загородить дорогу революции, загородить дорогу великому русскому народу, строящему свою жизнь.

Прошло 19 лет, и сейчас нам снова грозят и с запада и с востока.

Усилиями партии большевиков, усилиями всего нашего великого трудового многонационального народа мы из нашей страны сделали страну богатую. Мы создали промышленность, мы создали крупное социалистическое сельское хозяйство. Мы с каждым днем все больше и больше увеличиваем нашу хозяйственную мощь. Мы являемся теперь лакомым куском для всех любителей поживиться за чужой счет. Фашисты попрежнему думают об отторжении Украины. Они снова думают о днях, когда кованый немецкий сапог ступит на донскую землю. Но из этого, товарищи, вы сами знаете, ничего не выйдет. **(Аплодисменты).**

Ничего не выйдет уже по одному тому, что, как вы помните из недавней речи Климента Ефремовича Ворошилова, Красная Армия создана для обороны, но тогда, когда на нас нападут, Красная Армия будет самой нападающей армией в мире. **(Аплодисменты).**

Я думаю, товарищи, что если в свое время при попустительстве генерала Краснова и прочих изменников родины немецкие кони пили донскую воду, то теперь им никогда не придется пить из нашего советского Дона. В случае нападения на нас, в случае вооруженной схватки с фашизмом будет наоборот — донские кони казачьих частей Красной Армии будут пить воду в Рейне.

Смело и уверенно идем мы к своему будущему. **(Аплодисменты).**

Да здравствует коммунистическая партия большевиков! **(Аплодисменты).**

Да здравствует наш великий народ и трудовое донское казачество! **(Аплодисменты).**

Да здравствует тот, чье имя мы носим в сердцах, да здравствует великий Сталин! **(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию, возгласы «Ура»).**

В Старорусском избирательном округе

От нашего специального корреспондента

28 ноября утром прибыл в Старую Руссу А. Н. Толстой. На вокзале писателя встречали многочисленные делегации заводов, колхозов и воинских частей и множество трудящихся.

Первый предвыборный митинг А. Н. Толстой провел в местной воинской части.

— Мы вас хорошо знаем, — сказал командир части тов. Коробов, обращаясь к А. Н. Толстому, — как одного из лучших писателей советской земли, как активного борца против фашизма и борца за социалистическую культуру, человека, любящего свою родину и преданного делу Ленина—Сталина.

Долго гремят восторженные крики «ура», когда А. Н. Толстой заканчивает свою ответную речь здравицей в честь творцов Красной Армии — великого вождя народов товарища Сталина и его ближайшего соратника товарища Ворошилова.

В тот же день состоялось предвыборное собрание с участием А. Н. Толстого на Фанерном комбинате № 4.

Простыми и искренними словами рабочие, работницы и инженеры приветствовали А. Н. Толстого, и в этих словах звучала любовь к литературе и чувство гордости, что кандидатом их в депутаты является писатель Алексей Толстой.

29 ноября утром А. Н. Толстой выехал к избирателям в колхоз «Атеист» — крупнейший из колхозов района.

На колхозной площади собрался не только весь колхоз «Атеист», но и колхозники из соседних колхозов Пеньковского сельсовета. Позади трибуны, на стене колхозного Дома культуры высится большой портрет писателя и два огромных макета книг. На переплете одной из этих книг написано: «Петр 1»; название другой книги — «Хлеб».

В конце митинга с яркой речью выступил А. Н. Толстой.

Колхозница Анастасия Дмитриевна Шитикова пригласила писателя к себе в избу в гости.

За столом завязалась оживленная беседа. Тов. Карпов, один из организаторов колхоза, рассказал его историю. «Богатеет наш колхоз, — говорил тов. Карпов, — и колхозники у нас зажиточные. Мы имеем Дом культуры, построили школу...»

Вернувшись вечером в Старую Руссу, А. Н. Толстой выступил на предвыборном общегарнизонном собрании командиров, политработников и красноармейцев. Он говорил на тему о любви к родине и ненависти к ее врагам.

— Мы знаем, — сказал А. Н. Толстой, — что изо всех испытаний Советский Союз вышел монолитным и сильным, как ни одна страна в мире. А это было возможно только благодаря огромной любви трудящихся нашей страны к своей великой родине, их безграничной вере в творческие силы, призванные к действию Великой Октябрьской социалистической революцией. Мы, писатели и художники, призванные народом к творчеству искусства в эпоху величайшего исторического взлета нашей страны, мы прежде всего должны беречь и развивать чувство любви к родине; это чувство должно, как внутренний огонь, гореть во всех наших делах.

ЛЫЧКОВО, 30 ноября. **(От нашего спец. корреспондента).** С участием А. Н. Толстого здесь состоялось общерайонное совещание доверенных лиц колхозов и актива Лычковского района. С яркой речью на этом собрании выступил колхозник тов. Шапкин (колхоза «Красное Кипино»).

— Дом Романовых существовал свыше трехсот лет, — сказал т. Шапкин, — но ничего, кроме угнетения трудящимся не дал. Чем была богата царская Россия? В 1914 году в стране было 54 тысячи церквей, 23.600 часовен, 960 монастырей, 51 тысяча попов, 47 тысяч дьяконов, 15 тыс. дьячков — вот какие силы мобилизовали капиталисты и помещики, чтобы держать в кабале русский народ.

В сельском хозяйстве царской России было около восьми миллионов сох и кос, а сейчас на советских полях вместо сох и деревянных борон работают тракторы и комбайны. В нашем колхозе на трудодень мы в этом году получаем хлеба в пять раз больше, чем в прошлом году. Всем этим мы обязаны партии и советской власти, всем этим мы обязаны гениальному вождю народов СССР товарищу Сталину.

Людей, преданных делу Сталина, преданных любимой родине, народ выдвинул в Верховный Совет. Наш кандидат, которому мы отдадим свои голоса 12 декабря, — это писатель Алексей Толстой. Мы изберем его как лучшего советского писателя, вся работа которого посвящена трудящимся страны социализма. Мы изберем его как борца за социалистическую культуру.

В Грозненском избирательном округе

ГРОЗНЫЙ. **(По телефону от нашего корреспондента).** Тов. В. Ставский, баллотирующийся в депутаты Совета Национальностей по Грозненскому городскому избирательному округу, находится сейчас в Грозном. Каждый день происходят встречи широких масс избирателей со своим кандидатом.

Тов. Ставский выступил на двухтысячном митинге на заводе «Красный молот», на собрании студентов-выпускников, преподавателей и профессоров Грозненского нефтяного института, на многолюдном собрании жен инженеров и технических работников нефтяной промышленности, на областном комсомольском активе, на собраниях в различных избирательных участках и т. д.

Совместно с другим кандидатом Грозного, кандидатом в Совет Союза т. Быковым, тов. В. Ставский выступил в клубе строителей Грозного.

— Наша страна, — заявил он, — так замечательно растет, потому что нашим вождем является величайший гений человечества и в то же самое время простой и горячо любимый массами человек — товарищ Сталин.

Эти слова вызывают бурную, долго несмолкаемую овацию в честь товарища Сталина.

Только наша страна может воспитывать таких людей, таких героев, как Громов, Паша Ангелина, Паша Ковардак, Алексей Стаханов, писатель Михаил Шолохов и тысячи других отважных сынов нашей родины.

— Все наши победы, — продолжал т. Ставский, — не достались нам даром, а в жестокой борьбе с врагами народа, с троцкистско-бухаринской бандой. Наши победы вызывают судорогу ненависти и страха у наших врагов, в особенности у германо-японского фашизма. Немецкие рыцари еще много лет назад лезли в Россию. Но на Чудском озере великий русский народ побил здорово эту рыцарскую «свинью». Если и теперь снова немецкая фашистская свинья захочет залезть на нашу советскую землю, то ей живой не уйти от наших советских сталинских богатырей, не уйти ей никуда.

1 декабря

1 декабря 1934 года троцкистско-бухаринской бандой был злодейски убит замечательный большевик — Сергей Миронович Киров.

Всю свою жизнь боролся он против общества, основанного на частной собственности, против эксплоатации человека человеком.

Подлые предатели убили сталинского орла. Они убили тов. Кирова за то, что он был беззаветно предан народу.

«— ... от большевика, — говорил тов. Киров, — **требуется революционная работа, самоотверженная и беззаветная,** — вот что нас отличает от всякой другой партии. **Для этого нужно крепить связь с массами, чаще бывать там,** где строится социализм — на фабриках, заводах, в совхозах и колхозах. Вот там надо учиться, воспитываться и закаляться каждому большевику.

Надо построить всю нашу партийную жизнь так, чтобы укрепить нашу большевистскую мощь ленинской учебой, где соединяется живая революционная практика с теорией марксизма-ленинизма. Тогда мы будем и во всей предстоящей работе действительно настоящими последователями Ленина, основоположника нашей партии, достойными членами партии, которые будут твердо итти вперед под руководством Центрального Комитета партии во главе с товарищем Сталиным, великим продолжателем великого дела Ленина. Товарищ Сталин — **это образец большевика в полном смысле и значении этого слова».**

... «Необходимо заботиться об основном, — говорил также тов. Киров, — о том, чтобы великая двухмиллионная монолитная ленинская партия была действительно скалой, о которую должны разбиваться головы всех, кто встанет поперек дороги победоносно растущему социализму».

Погиб на боевом революционном посту человек всесокрушающей большевистской воли.

Погиб на боевом революционном посту друг народа, борец за дело коммунизма, девизом всей жизни которого было «никакой жалости, никакой пощады классовому врагу».

Велика народная скорбь. Невозможно свыкнуться с мыслью, что нет больше верного соратника Ленина и Сталина, нет нашего Кирова!

В те непередаваемо скорбные дни каждый партийный и непартийный большевик дал клятву продолжать борьбу за бессмертное дело народа, за дело коммунизма.

Весь советский народ поднялся в грозном, могучем гневе против подлых троцкистско-бухаринских выродков, против тех, кто пытался остановить победное шествие коммунизма.

За эти годы страна под руководством коммунистической партии, под руководством тов. Сталина пришла к замечательным победам, о которых так страстно мечтал Сергей Миронович Киров. Вошла в жизнь Сталинская Конституция — основной закон первого в истории человечества социалистического государства.

Неиссякаем источник народной инициативы, народного героизма и отваги.

Жизнь Кирова, его страстная борьба за дело коммунизма — пример для всех.

В победах социализма, в укреплении мощи нашей страны, в творческом под'еме народных масс — во всем этом видны следы легендарной деятельности героя революции — Сергея Кирова.

Имя Кирова бессмертно, потому что бессмертен народ.

Имя Кирова бессмертно, потому что бессмертен коммунизм, потому что бессмертны героические дела большевистской партии.

Народ создал легенды и песни о своем верном сыне.

Сулейман Стальский писал:

Сильнее льва он был, герой,
Создавший истин крепкий строй,
За бедных он стоял горой,
Его письмен ничем не смыть —
Писал он огненным пером.

Кажется, еще вчера звучал голос народного трибуна: «Успехи действительно у нас громадны, чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить. На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт».

Жить для Кирова значило бороться, значило творить новую жизнь для народа.

«Для того, — говорил тов. Киров, — чтобы двигать по-настоящему дальше нашу социалистическую стройку, нам надо все решения, все наши программы и наметки как можно внимательнее, как можно быстрее и настойчивее проводить в жизнь, осуществлять на практике. Сейчас от каждого из нас, товарищи, требуется не только знание общих генеральных установок нашей партии и нашего правительства, нет, этого сейчас мало, этого сейчас далеко недостаточно. Сейчас от каждого из нас, советский ли это, партийный или профессиональный работник, рабочий ли это или специалист, кто угодно, крестьянин или агроном, — от каждого из нас, на какой бы работе он ни находился, на большой или малой, требуется конкретное знание того дела, которое он призван осуществлять. Сейчас надо глубоко вникать в практику нашей работы, в мелочи, детали, в конкретные особенности нашей работы и, овладев ими, на деле проводить политику партии и организовывать трудящихся города и деревни для активного участия в социалистическом строительстве».

Враги из-за угла убили Сергея Мироновича Кирова. Стреляя в Кирова, они стреляли в советский народ, в социализм. «Многоликие герои нашей действительности, — писал М. Горький, — уже дают возможность создать из них одного героя. Товарищ Сергей Киров убит нашими врагами, потому что он был именно таким героем».

Фашисты просчитались. В своей ненависти к народу они забыли о его несокрушимой силе, о его бессмертии.

«Рабочий класс, — говорил Сергей Миронович, — ведет трудящихся всего мира к победе, он хочет жить и будет жить.

А класс капиталистов умрет, он должен умереть».

Народ уже разгромил основные гнезда профессиональных убийц из троцкистско-бухаринской банды. Но борьба продолжается. Выше бдительность в нашей непримиримой ненависти к врагу!

В сердце каждого из нас с прежней силой звучат слова верного друга народа: «Каждый новый кирпич нашей стройки сбрасывает сотни кирпичей с капиталистического здания».

Память о товарище Кирове, светлый пример его бесстрашной неутомимой борьбы за пролетарскую революцию, за строительство социализма в СССР будут вдохновлять миллионы пролетариев и всех трудящихся на дальнейшую борьбу за торжество социализма, за окончательное искоренение всех врагов рабочего класса.

Из речи Кирова

...единственно правильным, единственно возможным путем строительства социализма в нашей стране был и остается тот путь, который нам завещал Ленин и по которому ведет нас ленинский ЦК во главе с т. Сталиным.

...чем дальше мы продвигаемся по пути строительства социализма, тем ярче выступает контрреволюционный характер всяких оппозиционных течений.

В последнее время обанкротившиеся осколки разбитых партией оппозиций, правые и «левые» оппортунисты сомкнулись в об'единенную контрреволюционную группу, поставившую себе задачей восстановление буржуазно-капиталистического строя. В этой группе мы находим не мало знакомых людей, частью выброшенных из партии, частью посредством двурушничества оставшихся в ее рядах. Эти жалкие банкроты пытались поколебать железную мощь пролетарской диктатуры.

Они встретят сокрушительный отпор партии и рабочего класса, они подписали себе окончательный приговор, они стали политическими мертвецами.

...сейчас может быть только такой водораздел — или с партией, с пролетарской диктатурой — или с контрреволюцией; или с рабочим классом в борьбе за мировую коммунистическую революцию — или в рядах буржуазно-помещичьей реакции. Так стоит вопрос на данной стадии и иначе стоять он не может.

(Из доклада об итогах сентябрьского пленума ЦК ВКП(б) 8 октября 1932 года).

«Мальчик из Уржума»

«Мальчик из Уржума» — так называется книга А. Голубевой, изданная Детиздатом 50-тысячным тиражом. Эта простая и безыскусственная повесть о детстве и юношестве Сергея Мироновича Кирова будет прочтена с глубоким интересом и волнением советскими детьми среднего и старшего возраста. От автора следовало бы ждать более ярких характеристик и красок, более подробного раскрытия многих интереснейших страниц из детства и юности пламенного трибуна революции Мироныча. Так, например, не лучше ли было бы значительно короче изложить скучные речи, произнесенные на заседании педагогического совета Уржумского городского училища, и как можно больше и полнее рассказать о взаимоотношениях Сережи Кострикова и его товарищей по школе, любовно восстанавливая и по-писательски дополняя забытые и утерянные эпизоды первых лет жизни мальчика из Уржума?

Правда, чрезвычайная четкость автора во всему, что касается биографии Сергея Мироновича Кирова и описания его окружения — всех этих благотворителей, учителей, начальницы приюта, попа-отца Константина оправдывает задачу честного и неприкрашенного рассказа о детских годах мальчика из Уржума. Читатель видит перед собой нищету и неприглядность жизни маленького Сережи, сироты, оставшегося вместе с двумя сестренками на попечении бабушки, получающей три рубля солдатской пенсии в месяц. Сережа живет, не стонет и не жалуется — смеется, шутит и играет, как всякий в этом возрасте.

Отказ Сережи переселиться в приют, это пока еще детская обида, а не протест. Но в то же время здесь первый выход мальчика из Уржума на борьбу против несправедливостей жизни.

Сережа в приюте переживает то, что являлось уделом миллионов его маленьких сверстников, сирот и детей бедняков, трудящихся. И первые его радости в этой обстановке неприбранной нищеты — это свидетельства энергии и сил, которые живут в сироте из Уржума.

В Уржуме живут ссыльные, таинственная коммуна бедных, но необычных людей. И хотя мальчик тянется к ним, пока еще не осознавая причин такой тяги, они заложены уже в нем, эти причины, его первыми жизненными впечатлениями, горем, нищетой.

Сереже «повезло». Благотворители милостиво отправляют его учиться в низшее казанское техническое училище, обставляя эту милость похабной расчетливостью, без которой в прошлом была невозможна никакая подачка. И Сережа ютится на кухне, у него нет ни гроша для покупки самой дешевой книжки, самой простенькой готовальни. Но он уже вступает в борьбу за знания, за право человеческого существования.

Он сталкивается с невероятно тяжелыми условиями работы на мыловаренном заводе, видит слабые попытки протестов студенчества. В этой борьбе мальчик из Уржума ощущает присутствие врагов, но не политическим знанием, а классовым чутьем. И когда во время каникул в Уржуме ссыльные дают Сереже Кострикову почитать «Искру», одна ночь открывает перед ним истину, рождая будущего большевика-революционера.

Шестнадцатилетний мальчик лишен к этому времени даже благотворительной помощи. Он спит на полу в жалкой комнатенке товарищей, но без колебаний и сомнений начинает революционную работу.

Лучшие страницы в книге посвящены организации Сережей первой подпольной типографии и распространению прокламаций вокруг Уржума. Он участвует в студенческом бунте, подвергается увольнению из училища и восстанавливается в нем после бурного протеста товарищей.

В этих первых революционных событиях в жизни Сережи уже виден будущий непреклонный вождь трудящихся. Сережа проявляет энергию, талант и страсть выдающегося борца. С поражающей смелостью он проводит первую свою революционную операцию, оставаясь спокойным, заботясь, думая и веря в успех дела. Передача печатного станка из школьной мастерской в студенческую революционную организацию, — это уже дело большой человеческой решимости и доблести. И его совершает Сережа в такой момент, когда всякий другой человек мог бы упасть духом, в момент своего увольнения из школы. Грани между личной жизнью и жизнью революционера — стерты.

В этой теме уже веет на читателя глубокой и спокойной страстью большевика. Уже видны начала большого служения делу человечества, начала героической и светлой жизни. И это чувствует читатель.

А. МАКАРЕНКО

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ БОЛЬШЕВИК

«Другом целого народа ты мне
видишься,
Сыном кровным и любимым
вспоминаешься!
Светлым разумом, Мироныч, ты
прославился,
Ты хорошими делами возвеличился!»

(Из народной поэмы сказительницы Е. П. Кривошеевой.

Сергей Миронович Киров — великий сын великого русского народа, трибун революции, один из блистательных орлов большевистской партии—воплотил в себе все черты, присущие большевику-революционеру. Его облик — это облик нашей партии. Его биография — это биография мужественного бойца. Его деятельность — образец деятельности человека, вся жизнь которого безраздельно отдана борьбе за высокие идеалы коммунизма.

Подлая рука троцкистско-бухаринского бандита оборвала прекрасную, яркую, героическую жизнь Сергея Мироновича Кирова. Кровавое злодеяние было совершено три года назад, но до сих пор еще свежа рана, до сих пор еще жива скорбь народа, и эта скорбь будет жить вечно. Лютая ненависть пламенеет в сердцах народа по отношению к тем, кто поднял руку на Кирова, кто посмел убить народного вождя, незабвенного друга и учителя. Народ растоптал и уничтожил, как мерзких гадов, убийц Кирова, растоптал и уничтожил организаторов убийства — Зиновьева, Каменева, и всю сволочь, группировавшуюся вокруг этих презренных иуд, троцкистско-бухаринских убийц, шпионов и диверсантов.

Сергей Киров — пламенный большевик, мужественный пролетарский вождь, — отдал свою жизнь за народ, за его счастье, за его будущее, погиб как солдат на посту — смертью героя. Зная это, народ склонил свои знамена перед могилой Кирова и поклялся над его прахом стереть с лица земли врагов рабочего класса, поклялся жить и бороться так, как учил Сергей Миронович Киров.

Кирова нет среди нас, но вместе с тем он — всюду. Дымят трубы гигантов социалистической индустрии, широко раскинулись золотые колхозные поля, гремят тяжеловесные поезда по железным дорогам — и всюду, на любом участке социалистического строительства, мы видим следы великих трудов Кирова, следы его усилий, результаты его гигантской деятельности.

Сергей Миронович Киров принадлежал к числу тех цельных, мужественных натур, которые, однажды наметив свой жизненный путь, следуют по нему, не сворачивая никуда в сторону, преодолевая всяческие преграды и препятствия. 18-летним юношей Сергей Киров стал большевиком, огненные слова Ленина запали ему в сердце, книги великого учителя, прочитанные в подпольном кружке, произвели на него неизгладимое впечатление, и Киров, осознав себя борцом-революционером, остался им до конца своей чудесной жизни.

Сергей Миронович Киров вышел из бедной семьи, жившей в захудалом городишке Уржуме, изнывавшей под бременем нищеты. Отец его, отправившись на заработки, сгинул без вести, мать погибла от чахотки. Добрые люди устроили 7-летнего мальчика в приют, и там прошло все его детство — горькое и безрадостное детство круглого сироты. С самых юных лет Сергей Киров, видя вокруг себя страдания и нищету, задумывался над несовершенством жизни. В одном из своих юношеских писем Сергей Киров писал:

«...зачем это один блаженствует, ни черта не делает, а другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде?»

Сергей Киров был человеком всепобеждающего характера: жизнь несовершенна, значит, надо драться за то, чтобы сделать ее совершенной.

Сквозь тюрьмы и преследования, сквозь тяготы подпольной жизни и упорной борьбы пронес Сергей Киров свое великое устремление к социальной правде. Бороться. Драться, стиснув зубы. Смело глядеть смерти в лицо. Быть беспощадным к врагам! И победить, победить во что бы то ни стало!

★

В Томске, в 1905 году, 19-летний Киров выводит на улицы вооруженную демонстрацию рабочих. Демонстрация разогнана.

Бюст **Сергея Мироновича Кирова** — работа скульптора **Н. В. Томского.**

Лучший друг Кирова печатник Кононов убит. С великим трудом и бесстрашием спасает Киров революционное знамя томских рабочих из рук полиции...

Потом тюрьма, подготовка к побегу, провал, освобождение, переезд в Иркутск, подполье, от'езд на Северный Кавказ, снова подполье, — молодость Кирова целиком, без остатка отдана борьбе.

Великая социалистическая революция! Межнациональная война на Северном Кавказе, разжигаемая офицерами, атаманами, муллами. Киров становится во главе горской и казачьей бедноты, во главе рабочих. Он уже — руководитель, организатор, трибун. Имя его с великим уважением произносится трудовым народом, с трепетом и ненавистью — врагами.

Потом Астрахань. Киров — член Реввоенсовета XI армии. Жестокая борьба с наседающими белогвардейцами. В городе — мятеж, тиф, голод. Ленин — Кирову: «Астрахань защищать до конца»... Время тяжелое, трудное. Один из приказов, подписанных Кировым, гласит: «Всех бандитов, мародеров и сопротивляющихся велениям советской власти расстреливать на месте».

Сталинский гениальный план разгрома Деникина осуществлен. Белые полчища бегут на юг. Киров с XI армией переходит в наступление. Снова Северный Кавказ. В конце апреля 1920 года советские бронепоезда прокладывают себе дорогу в Азербайджан, идя на помощь бакинским рабочим. Киров, Орджоникидзе, Микоян — в Баку. Киров на собрании бакинских большевиков произносит пламенную речь:

«Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой для всех западно-европейских стран... над всем этим должен быть поставлен рабоче-крестьянский советский коммунистический знак».

Потом — дипломатическая работа в меньшевистской Грузии и снова любимый Северный Кавказ, которому так много сил отдал Киров. С'езд освобожденных народов Терской области. Борьба с троцкистами. X с'езд партии. Учредительный с'езд советов Горской республики.

С июля 1921 года Киров — секретарь ЦК коммунистической партии Азербайджана. Борьба за осуществление ленинско-сталинской национальной политики. Борьба за нефть, за восстановление разрушенного хозяйства. Крепнет Советский Азербайджан. Бурно растут промысла. Широки масштабы работы. Смелы планы. Кипуча творческая жизнь!

В 1926 году Киров становится руководителем большевистской организации Ленинграда. Прощаясь с Кировым, бакинские большевики писали: «Вы, товарищи, ленинградские коммунисты, в лице товарища Кирова приобрели стойкого, выдержанного старого большевика-ленинца и лучшего умелого руководителя вашей организации».

Киров — в Ленинграде. Жестокая борьба с зиновьевцами. Перестройка партийных рядов. Сплочение всей организации вокруг ЦК, вокруг товарища Сталина.

На XV с'езде партии Киров говорит:

«...оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом. Этого ждет наша партия, этого ждет от нас рабочий класс, этого, товарищи, ждет от нас и международный пролетариат... Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами дорога только вперед и только к победам».

Киров, беспредельно преданный Центральному комитету и Сталину, разгромил до конца троцкистско-бухаринско-зиновьевскую банду предателей революции. Киров завоевал себе несокрушимый авторитет в партии, в стране. Киров стал подлинным любимцем партии и народа.

Какая яркая жизнь, какая замечательная биография у этого мужественного борца. Какой изумительный пример доблести и бесстрашия, преданности и энтузиазма!

★

Сын народа, вышедший из его недр, познавший с детских лет нужду, холод и голод, Сергей Миронович Киров, как и полагается большевику, был всю свою жизнь тесно, крепко связан с массами. В постоянном общении с народом он черпал свои силы. Его уменье говорить с рабочими, увлекать за собой народ было поистине изумительным. Характерный пример: в Ленинграде в 1926 году в разгар борьбы с зиновьевцами Киров каждодневно выступал на ленинградских предприятиях, не зная утомления, произнося речи, которые глубоко западали в душу рабочему. Эхо его пламенных речей разносилось по всей стране, поднимая революционное сознание масс. 6 января 1926 года Киров выступает с речью на заводе «Электросила», 7 января делает доклад на фабрике «Красный ткач», 8 января — на фабрике «Красный маяк», 11-го — на заводе им. Егорова, 12-го — на заводе «Красный гвоздильщик» и «Электроаппарат»... И так далее, и так далее.

Киров сразу же завоевывал себе любовь народа. Его — храброго, смелого, честного и мужественного юношу — горячо любили томские рабочие. Стойкому большевику, пламенному оратору, кипучему организатору с восторгом внимали трудовые казаки, чеченцы, осетины и ингуши, видя в нем естественного защитника своих прав. Им восхищались и гордились в Астрахани, в Баку, в Ленинграде, всюду, где только появлялся он, стремительный и непоколебимый, железный большевик, верный ученик Ленина и Сталина, друг Сталина. Он знал слова, идущие к сердцу народа, он всей своей изумительной жизнью являл пример доблести, он вселял веру и надежду, он рассеивал уныние и усталость, он был сама энергия, само мужество!

«Наш Мироныч» — звали его ленинградские рабочие, вкладывая в это имя великую любовь и ласку.

Никогда на протяжении всей жизни Кирова не покидала глубокая вера в победу. Страстная убежденность в правоте дела партии, непоколебимая вера в то, что нас ждет чудесное завтра, была ему всегда присуща. За 30 лет самоотверженной революционной работы Киров прошел путь от рядового бойца до одного из любимых вождей партии и народа. И всегда высокое благородство, ясность ума, чистота сердца позволяли ему отчетливо и прозорливо видеть контуры будущего, контуры прекрасного здания социализма.

В одной из своих речей Сергей Миронович Киров говорил:

«Товарищи, много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры, чтобы, опираясь на нее, повернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, но создана нашими руками. Не пройдет много лет, когда мы с вами, опираясь на завоевания социализма в нашей советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма».

Наш народ беззаветно предан идеалам ленинско-сталинской партии, членом которой всю свою сознательную жизнь был Киров. Моральное и политическое единство советского народа непоколебимо. Рычаг перестройки мира в наших руках. Кирова нет среди нас, но его огненные слова, его призывы живут среди советского народа и никогда не могут умереть. Киров высказывал то, о чем мечтал, во что верил наш народ, и в этом была его сила как народного вождя и трибуна. Он вел за собой народ, он раскрывал перед ним образы грядущего, и это вдохновляло и увлекало массы.

Троцкистско - зиновьевско - бухаринская мразь — предатели, фашистские шпионы, убийцы знали, на кого они поднимают руку. Подлая банда врагов народа хотела расстроить большевистские ряды, остановить движение нашей страны, нашего народа к вершинам социализма. Но нет той силы, которая могла бы повернуть вспять колесо истории. Как говорил Киров, «наша победоносная социалистическая стройка идет полным ходом, идет громовым, всеподнимающим маршем вперед».

Нельзя победить народ, рождающий таких сынов, как Киров, нельзя победить партию, выковывающую таких борцов, как Киров!

Наши потомки с волнением и восторгом будут изучать жизнь Сергея Мироновича Кирова. Его образ, мужественный и прекрасный, — образец бесстрашного борца за дело коммунизма, образ большевика, жившего в эпоху Ленина и Сталина, пребудет в веках светел и величав!

Н. КРУЖКОВ

Из речи Кирова

Товарищи, в продолжение веков буржуазия об'являла свою частную собственность «священной и неприкосновенной». В течение веков буржуазия заливала потоками крови всякую попытку рабочего класса и трудящегося крестьянства посягнуть на «святость и неприкосновенность» этой, основанной на грабеже, насилии и обмане, собственности. И теперь, когда эта частная собственность на средства производства ликвидирована, когда пролетариат создал свою «священную и неприкосновенную» социалистическую собственность, осколки разбитых революцией классов всячески стараются подорвать эту общественную собственность, основу социалистического строя. Здесь, на этом участке проходит сейчас фронт ожесточенной классовой борьбы. Здесь проверяется бдительность каждого коммуниста, каждого честного советского работника, классовая стойкость каждого рабочего и колхозника. И именно здесь, на этом участке, мы должны со всей силой обрушиться на голову нашего классового врага, всею мощью нашей революционной законности, нашей пролетарской диктатуры. Очиститься от лодырей, тунеядцев, прихлебателей и паразитов, каленым железом выжечь хищения, растраты, воровство — в этом, товарищи, заключается сейчас одна из важнейших задач. Укрепление революционной законности в этой обстановке приобретает огромную политическую важность.

(Из доклада об итогах январского об'единенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 17 января 1933 года).

С. М. Киров в искусстве

Сергей Миронович Киров глубоко понимал и любил искусство. Он был лучшим другом художников Ленинграда и часто бывал и в мастерских художников (Бродского, Манизера).

Сейчас же после смерти С. М. Кирова среди ленинградских художников возникло движение за воссоздание в изобразительном искусстве образа этого замечательного большевика, пламенного трибуна революции. Результаты этого соревнования художников Ленинграда были представлены на выставке, открытой в Доме культуры им. Горького в Кировском районе Ленинграда. На выставке экспонировался целый ряд крупных полотен.

Среди них работы: П. Д. Бучкина — «С. М. Киров среди работников Беломорско-Балтийского канала», Е. М. Чепцова — «С. М. Киров на трибуне во время физкультурного парада», В. А. Зверева — «Портрет Кирова», Г. М. Бобровского — «С. М. Киров на строительстве Центрального парка культуры и отдыха в Ленинграде», А. Ф. Максимова — «С. М. Киров на химическом заводе», Бибикова — «С. М. Киров среди рабочих завода «Электросила», А. И. Кудрявцева — «С. М. Киров среди колхозников-рыбаков», Лякина — «С. М. Киров на охоте», С. М. Михайлова — «С. М. Киров среди пионеров», Смукровича — «С. М. Киров в рабочем цеху» и др.

Пишущий эти строки дал на ленинградскую выставку две больших картины — «Киров, Сталин и Ворошилов на Беломорском канале» и «Киров и Калинин осматривают новую машину на заводе имени Энгельса».

Ленинградская художественная выставка, посвященная памяти С. М. Кирова, прошла с колоссальным успехом. Горячо любившие С. М. Кирова ленинградские рабочие целыми экскурсиями приходили на выставку.

Многие из картин ленинградской выставки переданы на всесоюзную выставку «Индустрия социализма», где москвичи сумеют с ними ознакомиться.

Сейчас художники и скульпторы Ленинграда продолжают работать над воплощением образа С. М. Кирова в искусстве.

Скульптор Н. В. Томский, автор памятника Сергею Мироновичу Кирову, установленного на Ленинградском мясокомбинате, работает над проектом нового большого памятника, который будет установлен в Кировском районе.

Молодой ленинградский художник Федоров недавно закончил картину «С. М. Киров в Хибинах». На картине изображен первый приезд С. М. Кирова в Хибины. Метель. Горы. Занесенная снегом пустыня. И на фоне этой природы изображен С. М. Киров, сопровождаемый двумя учеными. Картина появится на выставке «Индустрия социализма».

Те, кто встречал и знал С. М. Кирова, никогда не забудут его обаятельный образ, не забудут его больших дел, которые всегда вдохновляли нас, вдохновляют и теперь на создание новых и новых полотен.

Художник И. Г. ДРОЗДОВ

Ленинград

★

Сегодня, в годовщину злодейского убийства С. М. Кирова, в Ленинграде будет впервые исполнена оратория композитора Е. М. Славинского — «Памяти С. М. Кирова».

Оратория, над которой композитор работал свыше двух лет, посвящена героической жизни и деятельности Сергея Мироновича Кирова. В оратории участвуют хор, симфонический оркестр, солисты и чтец. Текст оратории написан Людмилой Поповой. Дирижирует ораторией молодой ленинградский дирижер т. Астров.

★

Молодой грузинский композитор Вано Мурадели, ученик Московской консерватории по классу Н. Я. Мясковского, работает над большой симфонией в трех частях, посвященной С. М. Кирову.

Вступление и первые две части симфонии уже написаны композитором.

Третья часть симфонии, к которой Вано Мурадели приступает в ближайшие дни, будет построена как гимн о Кирове — для солистов, хора и оркестра.

★

К 1 декабря — третьей годовщине со дня злодейского убийства С. М. Кирова — в Киеве выходит из печати поэма Миколы Бажана «Бессмертие».

Содержание поэмы: молодой С. М. Киров в Томске (1905 г.); тов. Киров руководит борьбой кавказских народов против белобандитов (1918—1920 годы); последние годы жизни Сергея Мироновича Кирова — руководителя и любимого друга ленинградских рабочих.

Как мне горе мое выплакать?

Как узнала я про смерть Сергея Мироныча,
Сладкий сон меня покинул в ночи темные.
В светлый полдень мое сердце омрачилося,
Все лицо мое омыли слезы горькие.
Что мне делать? Как мне горе мое
выплакать?

Другом нашего народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься!
Светлым разумом, Мироныч, ты
прославился,
Ты хорошими делами возвеличился!

Налетела, закружилась буря черная,
В город Ленина ворвалась буря черная.
Сорвала с него, лихая, крышу-голову.
Омрачила злая буря нашу родину.
Ох, Сергей Мироныч, гордый сокол наш!
Кто убийца твой проклятый? Кто? Откуда
он?

Видно, в злых его делах ты был помехою,
Видно, счастье ему наше не понравилось.
Знать, давно-давно разбойник за тобой
следил.

Не спалось ему, душману, в ночи темные.
Где бывал ты — за тобой подглядывал,
Следы ног твоих, Мироныч, он выслеживал.
Он боялся, словно филин, света ясного.
Словно солнца, он боялся светлых глаз
твоих.

Он подкрался к тебе сзади —
по-разбойничьи,

Он ужалил тебя в сердце по-змеиному.
Что мне делать? Как мне горе мое
выплакать?

Другом целого народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься!
Светлым разумом, Мироныч, ты
прославился,
Ты хорошими делами возвеличился!

Как закрою веки, как задумаюсь,
Снова жизнь былая вспоминается:
Как мы спины гнули у помещиков,
Как людского званья не имели мы,
Как меняли нас на псов породистых.
Но зажглось над нами солнце Ленина,
Но зажглось над нами солнце Сталина.
И узнали радость мы впервые:
На работе, как на светлом празднике;
Говорим, как песни запеваем;
Когда ходим, пола не касаемся.
Долго жить на белом свете хочется!

Если бы крылья легонькие дали мне,
Я б к тебе, Мироныч, полетела,
Проплыла бы чрез большую воду,
Пробежала б огненную гору,
Опалила б волосы седые,
Хоть в гробу тебя я увидала бы,
Над твоим я гробом зарыдала бы,
С головы до ног тебя оплакала.
Но я вижу на бумаге только образ твой,
По бумаге провожу я рученькой,
И стекают мои слезы горькие
По щекам потоками горячими.
Подперла я щеку левой рученькой,
На груди, у сердца, лежит правая.

Я глаза открою — не видать тебя,
Протяну я руки — не пожмешь ты их,
Голосок подам — ты не откликнешься!
Что мне делать? Как мне горе мое
выплакать?

Другом целого народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым
вспоминаешься!
Шелк сыпучий, волокнистый — твои
волосы,
Много светлого ума в твоей головушке.
Ты, Сергей Мироныч, тверже камня был,
Был ты с нами мягче пуха голубиного,
Быстролетнее ты был крыла орлиного.
О-хо-хо, родной Сергей Мироныч,
Причитаю я, слезами обливаюся!
Хоть не видят тебя вовсе мои глазыньки,
Знаю, много сделал ты хорошего,
Много сделал ты хорошего трудящимся,
Много дал нам мыслей мудрых, мыслей
радостных,
Много дел больших тобою сделано.

В цвете лет вошел Сергей Мироныч,
Будто в темный бор, в местечко темное!
Он текучую водицу не увидит,
Голоса людского не услышит.
В цвете лет ушел со света белого —
От друзей, от братьев, от товарищей...
Уж не будет с нами он здороваться.
Не возьмет он больше нас за рученьки.
Только память о Сергей Мироныче
В каждом сердце навсегда останется.
Злой душман убил вождя любимого,
Смерть принес ему, злодей, негаданно.
Ой, не во-время, Сергей Мироныч,
Ты ушел от нас в могилу темную!

Там не плещется водица серебристая,
Там лужок зеленый не волнуется,
Ясно солнышко лучами не касается,
Ветерочек легкий не колышется,
Не польется с неба теплый дождичек,
Вольный воздух не дойдет к Миронычу.

Как лежал в гробу ты дни и ноченьки,
Сколько было у тебя товарищей!
Со всего-то света необ'ятного
Собрались вокруг тебя товарищи,
Ждали слова твоего последнего.
Не приподнял ты свою головушку,
Не промолвил ты словцо прощальное!
Ох, Сергей Мироныч, гордый сокол наш!
Когда вдоль скамьи передней вытянусь,
Когда глазыньки мои закроются,
Когда руки сложат на груди моей,
Лишь тогда забуду я Мироныча,
Отделю от сердца бездыханного!..

Что мне делать? Как мне горе мое
выплакать?

Другом целого народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься!
Светлым разумом, Мироныч, ты
прославился,
Ты хорошими делами возвеличился!

Перевод с мордовского.

Записано со слов сказительницы Е. П. Кривошеевой, 72 лет, в г. Саранске, Мордовской АССР.

Ю. ОЛЕША

Сорок второй участок

Появился патефон.

Его принес член завкома Фомин. Они вошли шумно — вся группа, которая ходила покупать патефон. Впереди шел Фомин. Это человек партизанской наружности — в сапогах, в куртке, с медвежьей походкой. Он всегда деятелен и весел.

— Так. Иголки? Давай сюда. Так. Пластинки? Осторожно. Так.

Все было распаковано. Отдельные части замечательной покупки.

Патефон оказался в бархатном чехле превосходного лилового цвета. Чехол был выкроен так, что его можно было не снимать, когда патефон заводили. Это особенно радовало Фомина.

— Будет все время, как новый.

Фомин как бы ведает хозяйственной частью комиссии.

Стали пробовать.

Маленькая комната заполнилась звуками оркестра. Фомин смотрел на всех, проверяя впечатление. Председатель комиссии не возражал, ему нравилось, но музыка была слишком велика для этой маленькой комнаты, и Фомину пришлось перенести ящик с оркестром в соседнюю комнату, не менее важную и не менее нарядную, чем главная.

Избиратели заинтересовались. Музыка! Спускаясь со двора по лестнице, они слышали музыку. Ощущение нарядности появлялось у них, и, когда они входили в дверь, лица у них были не обычные. Тотчас же в глаза им бросалась ковровая дорожка... Музыка. Ковер. И вазоны с цветами. Это в том же помещении, где прежде было домоуправление! Ничего нет общего с тем, что было. Цветы в вазонах. Золотые звуки музыки.

Входя в помещение комиссии, ни один человек не остается равнодушным. Застенчивые молчат, но взгляды, которые они бросают на стены, на столы, на натертый пол, говорят о произведенном впечатлении. Общительные тотчас же восклицают:

— Как у вас красиво!

Хозяйственные натуры проявляют некоторую зависть:

— А где вы это достали?

Некоторые сообщают, что на других участках иначе

— Как?

— Иначе.

— Ну как?

— Вот у вас диван...

У нас, действительно, диван. И перед ним стол, покрытый плюшевой скатертью. На столе разложены брошюры. И стоят часы в чистой деревянной раме. И часы осеняет цветок.

Похоже на то, как бывает, когда хозяева убрали дом перед приходом гостей. Или на предпраздничный вечер.

Сорок второй участок. Красная Пресня. Мы помещаемся в так называемых «новых домах». Название чересчур скромное. Это не новые дома. Это новый город. Да, это целый город с улицами, садами, площадями.

Когда сходишь здесь с трамвая, тотчас же произносишь это слово — город. Потому что видишь гряду высоких зданий, магазины, силуэт памятника, светящиеся часы. Это кажется неожиданным после пустынности Трехгорного вала.

В городе этом — тридцать тысяч населения. Главным образом, оно состоит из рабочих «Трехгорки» и завода «Пролетарский труд». Есть также военные дома и дома Моссовета.

Тридцать тысяч человек — это, по крайней мере, десять избирательных участков. Приближаясь к «новым домам», то и дело видишь у ворот и под'ездов красные вывески участковых комиссий.

Главная сейчас забота на участках: все избиратели должны проверить, правильно ли они записаны в избирательных списках.

Широкие, хорошо сброшюрованные тетради. Плотный переплет. Внешне списки выглядят прекрасно. Их приятно раскрывать, избирателю приятно в них заглядывать. И когда в такой красивой тетради фамилия избирателя оказывается перевранной, избиратель чрезвычайно огорчается. Если же его фамилии не оказывается вовсе, избиратель, судя по его лицу, испытывает чувство человека, которого почему-то не пригласили на праздник.

— Напишите заявление, — говорят ему. Какая унылая фраза!

В то время, как фамилии других уже красуются в списках, ему еще нужно писать какое-то заявление... Унылая штука!

Но заявления, относящиеся к выборам, это совсем особые заявления. Райсовет рассматривает их в трехдневный срок. Сегодня же один из членов комиссии отнесет их в разносной книге в райсовет и сдаст специальному дежурному под расписку.

Приходят представители от семьи или от квартиры. Проверяют сразу несколько фамилий.

— Васильева — Надежда Измайловна?

— Верно! — говорит старушка: — Это моя дочь.

— Так. Девятьсот второго года рождения?

— Девятьсот второго.

Все совпадает. Приятно. Жаль, что нет еще дочки. Или сына.

— Все? — спрашивает старушка.

— Двенадцатого приходите на выборы.

Старушка знает, что двенадцатого, но переспрашивает:

— Двенадцатого?

— Да. С шести часов утра.

— С шести часов?

Это все так значительно. С шести часов! Какой это будет непохожий на другие, необыкновенный, замечательный день!

— А где будем выбирать?

— В помещении 83-й школы. Шмидтовский проезд, 3.

— Бывшая пятая?

— Бывшая пятая.

Никакого аппарата у комиссии нет. Делают все сами. Пишут фамилии на пригласительных билетах, лакируют шкаф, развешивают портьеры. Все эти дела становятся милыми. Какая-то особенно оживленная, особенно приятная для всех участников самодеятельность!

Секретарша привезла из окружной комиссии бюллетени и конверты. Блестящие твердые пачки.

До дня выборов их нужно хранить в несгораемых ящиках.

Наступает один из важнейших моментов в деятельности участковых комиссий — бюллетени и конверты укладываются в ящики.

Тишина.

Разговаривают вполголоса. Все члены комиссии столпились вокруг ящиков.

Бюллетени спрятаны. Двенадцатого декабря их будут выдавать избирателям. И с именем кандидата Красной Пресни Никиты Сергеевича Хрущева — они будут опущены в урны.

Николай ПОГОДИН

Владимир Ставский

Пятнадцать лет тому назад в редакции газеты «Молот», что издается в Ростове-на-Дону, появился странный молодой человек. Говорили, что он будет работать в газете. Это обстоятельство и делало его странным. Мы тогда полагали себя законченными журналистами, были молоды и по-мальчишески горды своей корпорацией. Цеховую эту, не очень умную кичливость «шестой державы» — так некогда называл себя газетный мир — в нас поощряли старые журналисты, у которых мы учились писать. Учились не без пользы для дела, это верно, но заодно вместе с учебой перенимали у своих учителей их повадки и стиль. Мы жили размашисто и буйно, считая, что нам другие должны все прощать, верили бесшабашно, что журналист должен порядочно пить, и веру сию старались доказать на деле. Все человечество, за исключением газетчиков, мы брали в расчет только как материал для газеты, т. е. выше всего в мире ставили самих себя.

И вот в нашу среду является новый молодой человек — Владимир Ставский. Мне он сперва не понравился. Не журналист. Носил он кожаную старую тужурку, был худой и как мы заметили, болел туберкулезом. Мы не знали, откуда он пришел, и он не рассказывал. В конце концов стоило ли на него обращать внимание!.. Пусть ходит. Мы не приняли его в свою среду, а он и не стремился туда. Что он делал, мы не знали и знать не хотели.

В своем кругу мы работали дружно и очень много. Выполнить газетное задание во что бы то ни стало, вырвать материал из-под земли, поспеть с ним в номер, это были те хорошие и необходимые качества, которые мы усвоили благодаря старым газетчикам. Подвести газету считалось позором.

Однажды мы готовили номер газеты, посвященный ленским событиям. Редакция мне поручила дать воспоминания участника ленской забастовки. Я все сделал, но не успел написать — заболел. Центральное место в газете должен был занять мой материал, а я лежал в постели с высокой температурой.

Что было делать?

Не могло быть и речи о том, чтобы отложить дело. Я был в отчаянии. Никто не хотел мне помочь. «Чужой» материал никого не интересовал. Да и что можно было сделать по моим записям, в которых только я один мог разобраться? Все отказались.

Вдруг неожиданно ко мне домой пришел Ставский. Мы не были друзьями. Я не понимал, что ему нужно.

— Ты можешь говорить мне, что надо писать?

— Могу.

— Говори. Я буду писать.

И мы с ним работали всю ночь. Он тогда учился писать в газету, ему было страшно трудно. Кажется, впервые он писал для печати такой большой фельетон. Работа была адская, мы оба изнемогали. Я ему рассказывал суть дела и учил тут же, как его надо изложить. Потом я отдыхал, дремал, а он писал. Сделавши кусок фельетона, он читал его мне и принимался за переделки по два, по три, по четыре раза...

Утром он встал из-за стола серый, взволнованный и торжествующий, пожелал мне здоровья и пошел сдавать в набор нашу работу.

Почему это сделал Ставский, а не кто-нибудь другой из моих приятелей? Я долго не понимал этого молодого человека, который никому не подражал, был недоверчив и, кажется, очень упрям. Я не понимал тогда самой простой вещи — партийности Ставского. Он принес к нам суровую боевую партийность Красной армии, но не делал насчет нее никаких деклараций. Он упрямо учился писать, но не хотел брать всего, чем жила некоторая журналистская братия в годы нэпа.

Как-то невзначай он прочитал мне свой рассказ «Как портятся нервы». Меня поразило содержание рассказа. Где это мог наблюдать Ставский? Он рассказал кое-что. За скупыми словами скрывалось огромное боевое прошлое... Прошлое в 22 года! Прошлое революционной работы в тылу у белых, когда барон Врангель готовил десант на Кубань...

Ночью на улицах крымского городка ловили большевика. За ним гналась толпа офицеров и тех крымских беженцев, которые убивали большевиков на тротуарах. Преследуемый бежал в переулок. Толпа была за углом. На мгновение она потеряла из виду свою жертву. И это мгновение спасло человека. Он увидел невысокий балкон над головой, подпрыгнул, схватился за край балкона и вскочил за перила. Толпа пронеслась под балконом. Большевик — это был Ставский — сумел спасти свою жизнь.

— Вот так и портились нервы, — сказал он в задумчивости.

Но то был лишь маленький эпизод боевой биографии. Семнадцатилетним юношей Ставский бросился в гражданскую войну прямо на чехословаков. Большевик складывался в боях. Партийная бдительность формировалась в таких делах, как арест поезда Муравьева. Ставский со своим отрядом красногвардейцев задерживает поезд Муравьева и находит там 30.000 патронов. Гражданская война давала уроки. Преданность партии проверялась там, где портятся нервы, когда человек просто шел на явную смерть.

Тогда я понял, почему Ставский пришел ко мне и не бросил пера, пока мы не выполнили задания. Он был просто самим собой, и если его послали работать и учиться в газету, он и здесь только продолжал традиции бойца-коммуниста.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Ставский сделался писателем большой партийной наблюдательности. Он не ушел целиком в литературную работу. Когда он писал свои очерки о Кубани, то, помимо своего литературного значения, они давали нечто более важное и реальное. Ставский прежде всего помогал партии разобраться в процессах, происходивших в станице. Он посылал с Кубани сигналы. Он оставался партийным бойцом, а не наблюдателем. Так он работал и у нас в газете пятнадцать лет тому назад. Он был организатором рабочей печати. Собирая материал, он создавал кружки рабкоров, делал первые стенные газеты, завязывал личные связи с рабочими и неизменно давал газете сигналы.

Тогда уже он видел, что советский журналист не может только «пописывать», и своими совершенно новыми методами работы показывал особый стиль газетной работы. Пятнадцать лет тому назад Ставский стал делать в газете то, что делает теперь каждый советский журналист. Это качество он принес в свою литературную деятельность, и немногие знают, какие огромные и важнейшие результаты дали его свои, особые методы работы над литературным очерком.

Красноармеец, журналист, руководитель Союза писателей, большой государственный деятель — вот путь большевика Владимира Ставского, выдвинутого народом кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

И. И. ДЗЕРЖИНСКИЙ

«Александрыч»

О писателе-большевике М. Шолохове

Так понятно, почему трудящиеся Новочеркасского округа хотят видеть своим депутатом в Верховном Совете СССР Михаила Шолохова, писателя-большевика, соединяющего в себе лучшие качества большого и умного художника и выдающегося общественного деятеля.

Вся творческая работа Михаила Шолохова, поставившая его в первые ряды советской литературы, неразрывно связана с кипучей повседневной общественной деятельностью.

Герои романов М. Шолохова обладают огромной художественной выразительностью, большой жизненной силой: враги вызывают ненависть, наши, советские люди, — любовь и уважение читателей. Миллионы читателей высоко ценят произведения любимого автора.

Мне, как композитору, творчество М. А. Шолохова помогло написать две оперы — «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Характер шолоховского дарования мне необычайно близок. Я разделяю творческие принципы М. А. Шолохова и с радостью убедился, при личной встрече с ним, что у нас общие взгляды на искусство.

В станице Вешенской мне не раз приходилось наблюдать, как работает Михаил Александрович, как он живет.

День Шолохова проходит в постоянном живом общении с героями его произведений.

Шолохов встает на рассвете и уезжает в колхозы, на поля, принимает участие в заседаниях партийных и общественных организаций (он член райкома ВКП(б).

Когда в полдень он возвращается домой, оказывается, что здесь его ожидают новые люди. Они приходят к нему с самыми разнообразными делами. Старый колхозник-казак, пройдя через несколько местных инстанций и не разрешив своего дела, приходит к Шолохову. И писатель часами беседует со старым казаком, указывает ему, куда следует обратиться.

Михаил Шолохов принимает приезжающих к нему колхозников, писателей, художников, журналистов. Для каждого у него находится время.

Популярность и авторитет Шолохова необычайно велики. И так же велика любовь к нему трудящихся.

Колхозники дружески зовут его «Александрычем». Его знают в лицо во всем округе.

Припоминаю такой эпизод: однажды я ехал с Михаилом Александровичем в машине по степи. Мы мчались с большой скоростью. И вдруг, завидев нашу машину, работавшие в поле колхозники замахали руками и закричали нам вслед:

— Михаил Александрыч! Александрыч!

Шолохов остановил машину. К нам подошел бригадир, оказавшийся прототипом знаменитого деда Щукаря.

Он настоял на том, чтобы мы прервали поездку и заехали к нему в гости. У себя дома он подробно рассказывал писателю о своих делах. Мне показывал полученные им почетные грамоты и костюм, выданные ему в премию за отличную работу.

Шолохов знает по именам почти всех колхозников, живущих в районе, знает их нужды.

Шолохов — подлинный народный писатель, живущий интересами, думами, делами своего народа.

Он — достойный кандидат в депутаты Совета Союза.

ИЗБИРАТЕЛЯМ — ОБ АЛЕКСЕЕ ТОЛСТОМ

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Ленинградское областное издательство выпустило брошюру «Алексей Николаевич Толстой — кандидат в депутаты Совета Союза».

Особый раздел в брошюре посвящен материалам, связанным с выдвижением А. Н. Толстого в депутаты Совета Союза; здесь речи рабочих и колхозников.

В этом же разделе помещен и критико-биографический очерк А. Дымшица об А. Н. Толстом.

Заканчивается брошюра главой из повести А. Н. Толстого «Хлеб».

Брошюра издана в количестве 20.000 экземпляров.

Весь тираж направлен в районы Старорусского избирательного округа.

А. БАРТО

Страдные дни

Когда бываешь в участковых избирательных комиссиях Краснопресненского округа, прежде всего бросается в глаза, что люди, работающие в комиссиях, относятся к своему делу не формально, не равнодушно, а болеют за него.

— С душой работает, — сказал мне один из секретарей участковой избирательной комиссии о своем председателе.

И действительно, многие председатели участковых избирательных комиссий проводят в них весь день до глубокой ночи.

Приближается исторический день выборов. Значительная часть помещений для голосования уже оборудована, но председатели участковых избирательных комиссий еще и еще раз осматривают их, еще и еще раз продумывают все детали.

В самом начале работы, на одном из заседаний, Герой Советского Союза т. Г. Байдуков — заместитель председателя Краснопресненской окружной комиссии, как бы готовясь к дальнему перелету, сказал, что нужно выяснить, какая погода будет 12 декабря. Этот его вопрос, сначала нас удививший, оказался вполне целесообразным. Действительно, если 12 декабря будет холодно, а помещение для голосования окажется недостаточно вместительным, то на улице создадутся очереди, что весьма нежелательно. Во многих помещениях для голосования теперь это предусмотрено: почти везде есть комнаты для ожидания.

Каждая участковая избирательная комиссия старается оборудовать помещение для голосования как можно лучше, нараднее, удобнее. Например, в 101-м избирательном участке в день выборов будет три уголка: школьный, дошкольный и ясельный — для детей тех избирателей, которым не с кем оставить ребят дома.

В этом же избирательном участке и во всех других будут дежурить легковые машины для избирателей — стариков и старух, чтобы доставить их на избирательный участок, а затем домой.

В организации работы избирательного участка необходимо серьезно продумать каждую мелочь. Иногда из-за мелочей получаются обидные недоразумения. В одном избирательном участке, например, избирателю, чтобы проверить, списки, необходимо снять верхнее платье. Я видела, как некоторые избиратели, узнав об этом, не желая терять много времени, уходили, не проверив списка.

Связь участковых избирательных комиссий с доверенными лицами должна быть, конечно, очень тесной.

Кстати сказать, выяснилось, что в тех районах, где доверенные лица работают хорошо, гораздо больше народа приходит в избирательную комиссию проверить свои фамилии в списках, чем в тех участках, где агитационная работа ведется слабо.

Плохо идет проверка списков в 10-м избирательном участке (ул. Воровского, 25). 26 ноября там побывало всего 62 избирателя. При проверке оказалось, что агитаторы посещают квартиры избирателей всего один раз в шестидневку.

Проверка списков избирателей сейчас основная работа участковых избирательных комиссий. Последние как бы соревнуются между собой.

В шестом избирательном участке (председатель писатель Вс. Вишневский) 24 ноября побывало 305 избирателей.

*

Присутствуя при беседах избирателей с агитаторами и доверенными лицами, слушая, как они рассказывают о себе друг другу, часто удивляешься биографиям и тех и других.

Почти у большинства молодых советских людей, кроме их основной профессии, есть и вторая профессия. Они работают на заводах, на фабриках и одновременно очень многие из них окончили парашютные и летные школы и имеют звание инструкторов, парашютистов и летчиков.

Все они — молодые, пожилые, старые,— активно участвуют в общественной жизни страны.

Речи старух, в которых они призывают молодежь голосовать за товарища Сталина и его соратников, нельзя слушать без волнения.

— Преданных выбирайте, преданных делу рабочего класса, преданных делу революции!

*

Далёко не все писатели принимают участие в предвыборной кампании.

Некоторые писатели ограничились одним-двумя стихотворениями.

Хотелось бы, чтобы писатели были более активны. Совсем необязательно ждать, чтобы на эту работу их выделила общественная организация. Каждый писатель может и сам проявить инициативу. Сомневаться не приходится: он будет желанным помощником, ибо нужда в людях велика.

Многие наши писатели умеют хорошо выступать и могли бы блестяще применить свои агитаторские способности.

Получилось так, что все писатели Москвы, участвующие в выборной кампании, работают только в Краснопресненском избирательном округе.

Это не совсем правильно. Нужно, чтобы писатели работали и в других районах, скажем по месту своего жительства.

По страницам печати

Лев Захарович Мехлис

Впервые имя кандидата назвал мастер лакировочного цеха тов. Удалов. Это было на собрании рабочих Кунцевского кожевенного завода 28 октября. Инженер Гречанников немедленно поддержал стахановца-мастера Удалова. В тот же день имя кандидата в Верховный Совет с кожевенного завода перекинулось на митинг Очаковского кирпичного. 800 человек, выслушав речи теплотехника стахановца Годяева и комсомолки Цой, горячо одобрили выбор мастера Удалова. Маленькая районная газета «Большевик», не медля ни минуты, вступила в агитационно-предвыборную кампанию, напечатав на своих страницах имя избранника кунцевских пролетариев: ЛЕВ ЗАХАРОВИЧ МЕХЛИС.

Имя кандидата стало известно в колхозах: «Красный Октябрь», им. Ленина, Калинина и Буденного. Колхозные митинги встретили имя кандидата тепло и сердечно. «Правда» здесь пользовалась с давних пор огромным доверием и любовью.

Скуп и лаконичен язык, которым написана биография сталинского ученика—большевика тов. Мехлиса.

Родился в 1889 г., в ряды партии вступил в 1918. Участник гражданской войны. Был комиссаром 46 стрелковой дивизии, комиссаром правобережной ударной группы войск в составе 4 дивизий на южном фронте. В 1920 году ранен. Награжден орденом Красного Знамени.

Учился в 1 Государственном Московском Университете. Кончил курсы марксизма при Комакадемии. Затем — экономическое отделение Института красной профессуры. Получил звание доктора экономических наук.

Больше года был на руководящей работе в РКИ. Около четырех лет работал в аппарате ЦК ВКП(б). Последние семь с половиной лет руководит газетой «Правда», заведуя сейчас одновременно отделом печати и издательств ЦК ВКП(б). Награжден орденом Ленина. Член ЦИК СССР, член ПК и МК ВКП(б), член Центральной Избирательной Комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Газета «Большевик» берет на себя ответственную миссию — свести кандидата глаз на глаз с тысячами его избирателей, раскинутыми по городам и селам Кунцевского округа и передать одному избирателю то, что сказал об этой кандидатуре другой.

То, о чем скромно умолчала биография большевика Мехлиса, рассказывают другие, восстанавливая забытые дни, эпизоды славного и далекого прошлого.

★

На трибуну районного совещания избирателей поднимается майор П. Ф. Андреев, бывший командир полка 51 Московской дивизии. (Этот полк и дивизия входили в ударную правобережную группу войск южного фронта, а комиссаром группы был тов. Мехлис).

— Я вспоминаю Каховку — говорит тов. Андреев — и форсирование Днепра, как подступа к Каховке. Командные высоты днепровского берега, занятого Врангелем, с помощью интервентов были укреплены и насыщены пулеметами и орудиями. Убийца рабочих и крестьян генерал Слащев хвастливо заявлял, что Каховка неприступна для красных. Много крови мы там пролили... И вот тов. Мехлис, комиссар всей группы войск, имевших задачу овладеть Каховкой, в одну из ночей с отрядом в 100 человек переправился на берег, занятый врагом. 100 бойцов во главе с тов. Мехлисом смело атаковали врага, способствуя форсированию реки и занятию Каховки.

Майор Андреев рассказывает об участии тов. Мехлиса в боевых операциях вместе с 2-й Конной армией. Тов. Мехлис политически обеспечивал победы, во время боя всегда находился в самых опасных и ответственных местах.

Устное свидетельство майора Андреева письменно дополняет Ф. А. Олешко, ныне хозяйственник, в прошлом — комиссар одного из батальонов 46 стрелковой дивизии.

«Имя тов. Мехлиса неразрывно связано с историей гражданской войны, с именем боевой и славной 46 стрелковой дивизии, прошедшей через всю Украину, Перекоп и Крым. За все время существования 46 дивизии, имя тов. Мехлиса с любовью и уважением передавалось из уст в уста. Постоянным свойством его была ленинско-сталинская забота о людях — расчет добиться успеха боя в наиболее короткое время, чтобы бойцы не изнурялись.

Другим свойством было — никогда не давать покоя врагу, бить и бить врага до полного разгрома...»

Бывший командир батальона тов. Олешко приводит замечательный эпизод из боевого прошлого своего дивизионного комиссара. Когда белые были загнаны в Крым, 46 дивизия одно время держала здесь весь фронт. Было затишье. Белые чувствовали себя неуязвимыми: с одной стороны их защищало Черное море, с другой — «гнилое море» Сиваша, а впереди, на перешейке, возвышались «верденские укрепления». Тов. Мехлис, нашел речушку Чонгар, впадавшую в Сиваш. Речушка была замерзшей, через нее он переправил часть 137 бригады. Часть зашла в тыл врага, захватила штаб белых с генералами, 16 орудий, несколько десятков пулеметов, огромное количество винтовок и боеприпасов, английское обмундирование и несколько возов табаку.

★

Откликаясь на просьбу редакции «Большевика», написать, что ему известно о боевом прошлом кандидата Л. З. Мехлиса, командующий Киевским военным округом командарм 2 ранга Федько пишет статью «Комиссар Мехлис», которая вносит еще более яркие черты и детали в облик стойкого и бесстрашного большевика-сталинца.

«...В 1920 году т. Мехлис после тяжелого ранения возвращается на фронт комиссаром 46 стрелковой дивизии, которая распоряжением Командующего Южным фронтом тов. Фрунзе отведена была в резерв 13 армии в Днепропетровск — в то время Екатеринослав. Дивизия получила большое пополнение и готовилась к участию в общем решительном наступлении Южного фронта против барона Врангеля. Тов. Мехлис прибыл в дивизию в тот момент, когда белые части Врангеля угрожали непосредственно Днепропетровску. Местные власти готовились к эвакуации. Необходимо было внести среди рабочих и войск успокоение и уверенность в крепость обороны города. Эта огромная работа была блестяще проведена тов. Мехлисом. Он поднял пролетариат, партийные организации города на организацию обороны Днепропетровска. В части дивизии влились добровольцы-коммунисты и рабочие. День и ночь шла кипучая большевистская работа среди населения и войск. Душой и организатором этой работы был комиссар дивизии тов. Мехлис. Своей энергией, спокойствием и железной волей он спаял, сцементировал большевистскими идеями бойцов дивизии, вселил в них непоколебимую веру в окончательную победу Красной Армии над бароном Врангелем.

Результаты этой работы сказались в первых же боях с отборными частями белых — Марковской и Корниловской дивизиями. Части 46 стрелковой дивизии, введенные в бой у Екатеринослава, с пением Интернационала атаковывали в штыки белых, которые в панике вынуждены были откатиться к Запорожью.

Эта штыковая атака молодых бойцов, только что прибывших в дивизию, была подготовлена тов. Мехлисом, который сумел за короткий срок мастерски провести огромную организационную и политическую работу. Бойцы дивизии горели невиданным энтузиазмом и желанием сразиться с белыми частями барона Врангеля.

Тов. Мехлис в последующих победоносных боях 46 дивизии на подступах к Перекопу политически обеспечил своей кипучей энергией боевые успехи дивизии...»

Гражданская война окончилась. Страна прилагает все силы, чтобы поднять народное хозяйство. 1925 год. Тов. Мехлис в аппарате ЦК ВКП(б). Здесь знакомится с ним будущий кунцевский избиратель Н. П. Шубин.

«За пять лет своей работы в аппарате ЦК ВКП(б), присматривался к тов. Мехлису, я поражался его трудолюбию и работоспособности. И в 8 утра, и в 3—4 часа ночи — мы почти всегда могли видеть его в кабинете. Свое здоровье Лев Захарович не оберегает, но о людях печется по-сталински. Не было случая, чтобы тов. Мехлис заставил себя ждать, ранним утром и в полночь принимал людей...

...Изучение людей, постоянная помощь, забота о политическом росте, культуре — особенность, присущая большевику тов. Мехлису... Трудно восстановить в памяти то множество людей, которые выращены этим верным учеником Сталина».

★

Районная газета находит и печатает новые и новые странички, характеризующие своего кандидата.

«Если вы посмотрите постановления семинаров Института красной профессуры за 1928 год, они дают самую лучшую оценку учебе тов. Мехлиса. Вот постановление семинара от 2 августа:

Партийно выдержан, активен. Ведет большую партийную работу как в районе, так и в ИКП. Выступает в печати по теоретическим вопросам».

В 1929 г. тов. Мехлис один из руководителей Губпрофшколы МГСПС, давшей ему такую характеристику:

«Уделил максимум энергии и внимателен к слушателям. Имеет хорошие знания предмета и относится к нему с большой преданностью и интересом. Дисциплинирован и аккуратен».

★

Многолетняя деятельность тов. Мехлиса в «Правде» проходит ежедневно перед глазами ее миллионов читателей. Непримиримая борьба «Правды» против врагов партии и народа, против фашистских троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов, буржуазных националистов очень хорошо известна миллионам партийных и беспартийных патриотов советской родины. Тов. Мехлис и «Правда» неотделимы — об этом говорят избиратели Кунцева на митингах и собраниях:

«... Огненные передовые «Правды» являются тем источником, откуда мы черпаем новые силы для борьбы против врагов народа» — заявляет на митинге камвольной фабрики в Кунцево тов. И. С. Федоров.

«Он, как руководитель «Правды», многое сделал по разоблачению врагов народа», — говорит о тов. Мехлисе избиратель тов. А. В. Авдеев.

«...Тов Мехлис, руководитель газеты «Правда», вел и ведет беспощадную борьбу с троцкистско-бухаринскими бандами» — раздается на митинге голос стахановца завода № 46 т. Колобаева.

«...Мы знаем, что путь, пройденный тов. Мехлисом, — это путь борьбы против всех врагов партии Ленина— Сталина, за дело трудящихся, за счастливую радостную жизнь нашей родины» — говорит на многолюдном собрании колхозов им. Ленина, им. Кирова и им. Буденного колхозница М. Попова.

★

«...Тов. Мехлис один из культурнейших людей страны, ему присвоено звание доктора экономических наук.

Мне поручено рабочими завода № 46 заявить, что мы отдадим свои голоса т. Мехлису»—произносит тов. Кожевников на районном предвыборном собрании. То же заявляют стахановец Очаковского завода тов. Годяев, инженер т. Прицкер, представитель рабочих 95-го завода тов. Долматов, доверенный рабочих и служащих совхоза Горки II и десятки других доверенных лиц заводов, фабрик, колхозов Кунцевского избирательного округа.

В редакцию районного «Большевика» шлют письма. Вот пишет целая потомственная пролетарская семья Куприяновых. Мать старика-рабочего Куприянову, когда ей было 12 лет, помещик выменял на щенка у другого помещика. — «Хлеб черный, да соль, — вот чем мы питались», — пишет старик, — глава семьи, которая сейчас счастливо и зажиточно живет в прекрасной квартире. Сыновья его стахановцы, работают — один токарем, другой — формовщиком, одна дочь — секретарь участковой избирательной комиссии, другие—учатся. Советская власть обеспечила старика — главу семьи еще и пенсией. Как ему не повести всю свою семью голосовать за тов. Мехлиса, верного сталинского ученика, большевика, готового отдать свою жизнь за то, чтобы Куприяновым жилось хорошо.

Избиратели, стахановцы, инженеры камвольной фабрики специально съездили в Москву, знакомились на месте в «Правде», как работает газета и ее боевой руководитель. Вот их впечатления.

«Побывав в «Правде», мы воочию убедились в том, как работает наш кандидат Лев Захарович Мехлис. От уборщиц, сотрудников, зав. отделами мы узнали, как он приходит ночью, вызывает сотрудников, дает задания, выяснит, проверит, как выполнено задание, окажет помощь, даст совет. Каждый день от слов: «Пролетарии всех стран соединяйтесь» и до последней строки: «Типография газеты «Правда» им. Сталина» — т. Мехлис внимательно прочитывает всю газету» — пишет сновальщик тов. Грязнов.

«За годы работы он вырастил в «Правде» из низов новый кадр журналистов, дочерей и сынов рабочего класса и колхозного крестьянства, имена которых знает вся страна» — пишет работница Василиса Прокопьева.

14 ноября, выступая на районном предвыборном собрании в Кунцеве, тов. Мехлис сказал:

«... Что требуется от меня? В чем я обязуюсь всенародно?

Быть верным, честным сталинским учеником.

Любить свой народ, и если потребуется, отдать за него свою жизнь.

Оправдать доверие нашего великого советского народа и быть достойным считаться его представителем.

Беспощадно громить и уничтожать врагов народа — фашистов, троцкистских, бухаринских шпионов, всю эту шпионскую воровскую нечисть.

Оправдать доверие сталинского ЦК, нашего великого вождя, друга и учителя товарища Сталина.

Оправдать доверие избирателей кунцевского избирательного округа, держать с ними теснейшую связь...»

Избиратели уверены, что Л. З. Мехлис, верный ученик великого Сталина, будет и впредь с той же большевистской страстностью бороться за счастье народа.

О статье «Двадцать лет советской литературы»

(«Новый мир», книга 11)

В одиннадцатой книжке «Нового мира» помещена статья «Двадцать лет советской литературы». Из всех статей, которые появлялись в печати за эти двадцать лет, указанное критическое произведение является одним из наиболее невежественных, безграмотных, глупых и вредных. Просто даже не верится, что сейчас, накануне выборов, в дни величайшего единения всего народа вокруг партии, в нашей печати могло появиться это упражнение, эта постная колбаса из числа тех, которые в рапповские времена многозначительно и горделиво назывались «критическими документами». К сожалению, статья «Нового мира» напоминает подобный «критический документ» не только своей безотрадной формой (это было бы еще полбеды), но, главное, своим содержанием. Эта статья — рапповская по духу. Полностью восстановлена и широко применена авербаховская манера раскладывать писателей по полочкам, наклеивать ярлычки, создавать универсальные «обоймы», равнодушно тасовать и обезличивать писательские имена, нудно перечисляя их, как перечисляют лошадей в программах рысистых испытаний. Что это? Прейскурант или критическая статья? Если это литературный прейскурант, то он далеко не полон, халтурно составлен, да и кроме того вообще не нужен: ни писателю, ни читателю. Но это — критическая статья (как уверяет нас автор —«краткий обзор»). Произведения писателей подвергнуты «анализу». При этом в творчестве одних писателей обнаружены большие или малые из'яны, а в творчестве других писателей из'янов не обнаружено, и, следовательно, эти другие являются как бы совершенством.

Так как автор статьи «20 лет советской литературы» обладает далеко не шекспировским словарем (слов 75—80)—его ресурсы через каждые десять строчек иссякают, и автор, не в силах вымолвить больше ни слова, бормочет:

«И др. И пр. И т. д. И т. п. и мн. др.»

Вот, некоторым образом, ведомость, составленная по данным автора статьи «Двадцать лет советской литературы».

Без недостатков:	С недостатками:
Панферов	Соболев
Шолохов	Леонов
Гладков	Вишневский
Бахметьев	Малышкин
Ляшко	Пастернак
Толстой	Тынянов
Ставский	Федин
Сурков	Багрицкий
Караваева	Чапыгин
Гусев	Шагинян
Фадеев	Эренбург
И др. И пр.	И др. И пр.

По всей вероятности, мы здесь выписали далеко не все фамилии, так как копаться в этой «статье» работа мучительная. Но дело тут не в количестве, а в принципе.

Всем понятно, что писателей без недостатков в природе не бывает. Даже у Гоголя Пушкин справедливо находил недостатки и об этих недостатках печатно упоминал. Лев Толстой находил недостатки у Пушкина, Горький — у Льва Толстого, Флобер — у Тургенева.

Значит что? Значит — либо анализировать творчество всех писателей по совести, указывая и недостатки и достоинства, либо, отказываясь от анализа, ограничиться юбилейным сообщением чисто информационного характера.

Зачем же понадобилось автору статьи у одних советских писателей замечать недостатки, а у других советских писателей не замечать их? Механика тут простая. Враждебная рука решила осторожно посеять среди советских писателей раздор, посеять именно в то время, когда после разоблачения врагов и вредителей советская литература вздохнула полной грудью.

Опять начинается брехня, самая наглая и возмутительная.

Примеры:

По поводу «Капитального ремонта» Л. Соболева: «Роман написан хорошим языком, но несколько отягощен отступлениями, перегружающими повествование, замедляющими действие».

По поводу романа «Энергия» Ф. Гладкова: «Роман... является крупнейшим в нашей литературе произведением... строительство и переживания героев сделаны мастерски».

Товарищи! Надо иметь совесть! Ведь все же прекрасно знают, что «Капитальный ремонт» Л. Соболева, хотя местами и излишне орнаментальный, очень хороший роман, пользующийся громадным успехом у читателей, в то время как «Энергия» Ф. Гладкова—роман явно неудавшийся, тягучий и скучный.

Ну что ж. Бывают у писателя неудачи. Ничего в этом ужасного нет. Другой роман, возможно, будет удачней.

Но зачем эта неуклюжая реклама, вызывающая законное чувство раздражения, тем более, что любой читатель, посмотрев на последнюю страницу журнала «Новый мир», где напечатана рецензируемая статья, найдет там фамилию Ф. Гладкова в качестве одного из редакторов.

Произведения Гладкова упоминаются в самом восторженном тоне. Его фамилия без конца демонстрируется в одной «обойме» с Толстым, Шолоховым, Фадеевым.

К этой же обойме пристегнуты писатели неизмеримо более слабые, чем Шолохов, Толстой или Фадеев.

Мы охотно и радостно отдаем литературное первенство мастерам Шолохову и Толстому, с этим согласится всякий, но решительно протестуем против механического пристегивания к этим именам имен посредственных писателей и считаем такой прием недостойным и нечестным, а самый принцип такого включения — рапповским. Это обезличка. Нельзя ни в'езжать, ни ввозить кого-либо в историю литературы даже на таких рысаках, как Шолохов и Толстой, рассчитывая на то, что этого никто не заметит. Писатели должны в'езжать в литературу самостоятельно.

Заговорив о поэзии, автор статьи пишет: «Крупнейшими мастерами агитпоэзии проявили себя Д. Бедный и В. Маяковский».

Опять «обойма», в которой совершенно бессмысленно и механически сопоставляются несоизмеримые величины!

О глубочайших и широко известных политических ошибках Демьяна Бедного сказано нехотя, вскользь, зато чрезвычайно энергично, многословно и многократно возносят Демьяна Бедного на «первое место» в поэзии.

Статья вредная. Фамилия Пильняка повторяется в обзоре не раз. Хотя она, само собою, упоминается в отрицательном смысле, но самый факт упоминания этой фамилии в юбилейном обзоре дает Пильняку место в истории советской литературы, хотя давно уже для писателей и читателей имя Пильняка равно нулю. Смехотворно его упоминание в одной «обойме» с Андреем Белым, писателем далеким от нас, но большим литературным явлением.

Косноязычно болтая о всяческих группах, которые при полной своей ничтожности только мешали здоровому развитию советской литературы, помянув их «Нового мира» добормотался вот до чего:

«Конструктивизм обещал отразить «организационный натиск рабочего класса». Но, конечно, он в своем первом «заумном» периоде имел только косвенное отношение к рабочему классу».

Во-первых, что это за косвенное отношение конструктивизма к рабочему классу? Во-вторых, в каком это золотом периоде он имел непосредственное и прямое отношение к рабочему классу, этот самый конструктивизм, этот ничего общего с литературой не имеющий гимназический кружок снобов — перевертней с весьма подозрительным политическим душком?

Надоела эта возня вокруг всяких бывших групп: всяких там литфронтовцев, конструктивистов и всего прочего. Опять лезут на нас эти зловещие фамилии — Лелевичи, Вардины — и «кто их к чорту разберет!», как сказал Владимир Маяковский. Пора уже привыкнуть к мысли, что все эти имена, включая Пильняка, давно забыты, как забыт образ городового. Всем уже надоела литературная эстафета, которая с наводящей ужас медлительностью передается от Воронского к Авербаху, от Авербаха к Гронскому и от Гронского к автору обзора.

Беспокойно надоело блудливое размазывание групповых дел. Необходимо помнить, что под шумок групповой возни неизменно орудует враг, насаждающий в литературе беспринципность.

Совершенно возмутительно беззастенчивое рекламирование в этом прейскуранте «Нового мира» группы «Кузница», лихорадочная раздача «по блату», с черного хода дефицитных лавровых венков ее «метрам».

Эти рекламные многосуточные щи, наспех подогретые к празднику, так тошнотворны, что стыдно становится за редакцию «Нового мира».

Все это — полное равнодушие, отвращение к литературе.

Вот образец этого надоевшего всем бормотанья:

«сделал шаг вперед»
«Лирическая струя воплощена в творчестве»...
«широко и колоритно развернул»
«Язык сочен и выразителен»
«Развернута широкая картина»
«При наличии спорности»
«Включение моментов»
«Отобразить в образах» (!)
«Прекрасно показаны»
«При общей положительности этого романа»
«пользуется материалом флота» (!)

И, наконец, почти стихи:

«...В этом характере отражаются те бедствия и то горе, на которые обрекают массы господствующие классы».

Конечно, автор, как и всякий опытный маскировщик, посыпал свое варево заемчатыми цитатами из постановлений партии по вопросам литературы, которые он сам же опровергает своей рапповской практикой.

В этой статье даже не упомянуты имена И. Бабеля, М. Кольцова, А. Корнейчука. Нагло пропущена вся детская литература с К. Чуковским, С. Маршаком. Это настоящая подлая вылазка, особенно принимая во внимание, что кандидатура тов. Корнейчука выдвинута народом в Верховный Совет, и факт замалчивания его имени просто подозрителен.

Автор обзора изобрел новую рубрику «писатели-интеллигенты», в которую он почему-то включает Евдокимова, Лидина, Лавренева и «Зощенко с его юмористическими рассказами» (Зощенко, этот большой художник, не имел, видите ли, права в двадцатилетнем обзоре даже на самостоятельный абзац!). Как будто у нас может быть писатель не интеллигент! Нужно быть форменным идиотом, чтобы в наши дни противопоставлять писателей интеллигентам каким-то мифическим писателям не интеллигентам. «Интеллигентами не рождаются, ими становятся» («Правда», передовая от 28 ноября 1937 года).

Статья «Двадцать лет советской литературы» подписана псевдонимом «Литератор».

Нет, не может быть советским литератором человек, состряпавший эту статью.

Редакция «Нового мира» должна взять на себя всю ответственность за эту вражескую вылазку.

Вышла ноябрьская книжка «Молодой гвардии»

Книга открывается статьей Г. И. Петровского «20 лет Октября и молодежь».

Отдел художественной литературы составляют главы из повести А. Н. Толстого «Хлеб» («Оборона Царицына»); полностью она будет напечатана в декабрьской книге, которая должна выйти ко дню выборов в Верховный Совет; автобиографическая повесть академика И. П. Бардина «Жизнь инженера», повесть Л. Рахманова «Беспокойная старость», о профессоре Тимирязеве, начало исторической работы Е. В. Тарле — «Нашествие Наполеона на Россию» и др.

Поэзия в номере представлена В. А. Луговским «Москва в Октябре», Вас. Лебедевым-Кумачом — песни, поэмой молодых поэтов М. Матусовского и К. Симонова «Четыре песни о славном городе Луганске», творчеством народов СССР и др.

В отделе «Жизнь замечательных большевиков» печатаются «Письма Ф. Э. Дзержинского из тюрьмы и ссылки», подобранные и комментированные С. Дзержинской, и дневниковые записи Дм. Фурманова.

В журнале статьи Г. М. Леплевского «Три Конституции страны Советов» и проф. А. В. Шестакова «Новый учебник истории СССР».

Специальный отдел журнала посвящен «Советской власти и молодежи». В этот отдел входят статья С. Острякова «Ленин и Сталин — воспитатели молодежи» и др.

В книжке идут очерки Л. Славина «Матэ Залка — генерал Лукач» и Ю. Олеши «День мира».

В ноябрьской книжке 22 печатных листа. Номер богато иллюстрирован, в частности в нем даны репродукции ряда картин первой Всесоюзной выставки народного самодеятельного изобразительного искусства и выставки «Индустрия социализма».

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА «ЗНАМЯ»

Евг. Кригер

Одиннадцатый номер журнала «Знамя» открывается статьей Владимира Ильича Ленина «Письмо членам Ц. К.» и отрывком из статьи «Что нам нужно?» Иосифа Виссарионовича Сталина. Не говоря об исключительном богатстве мыслей и идей, заложенных в этих классических произведениях, нужно прямо сказать, что писатель найдет здесь много важного для себя и с чисто литературной стороны. Это — поразительная чистота и ясность формы, это — энергия и сила, которыми дышит каждое слово, это — умение на одной-двух страницах затронуть все самое важное, самое главное, чем живет народ, ответить на самые основные, животрепещущие требования дня, страстно обсуждаемые миллионами людей. С огромным вниманием прочтет он эти две статьи, которыми «Знамя» начинает свою одиннадцатую книгу.

Дальше следует роман или роман-фильм, как назвал его автор, — «Мы, русский народ» Всеволода Вишневского. Большая удача писателя. Произведение сильное и правдивое, обогащенное целым рядом новшеств в отношении формы, может быть, не до конца еще продуманных и освоенных автором, но представляющих уже теперь значительный интерес. Думается, что эти новшества найдены Вишневским в его увлечении самой темой. Последние месяцы империалистической войны. Война умирает, чтобы стать преддверием к войне освободительной, гражданской. Огромная масса солдат, презрительно именуемая генералами пушечным мясом, под влиянием большевиков начинает превращаться в могучее, сильное духом непобедимое войско революции.

С первой страницы Вишневский захватывает внимание читателя. Еще ближе, чем в прежних вещах, подходит он к пониманию правды в искусстве. Люди живут в романе, в их существовании веришь, их различаешь, хотя характеры выписаны рукой резкой и грубоватой. Это сделано сознательно. Вишневский вплотную подходит здесь к манере романа-легенды. Правдиво сделано патетическим. Простой и понятный появляется в романе солдат-большевик Орел, но с каждой страницей образ его романтически усложняется, становится символом, знамением революции. Он не перестает от этого быть живым и естественным. Точно так же реалистически сделанный характер полковника Бутурлина постепенно растет в глубину, превращаясь в обобщенный образ предателя, потенциального фашиста.

В этом романе есть какие-то черты, сближающие его с «Легендой о Тиле Уленшпигеле» Шарля Костера. Здесь нет прямого сходства и нельзя даже говорить о влиянии. Но возьмите, например, фигуру солдата Соломона Боера, одесского биндюжника, шутника, здорового человека с неистребимой волей к жизни. Возьмите того же Орла, живьем закопанного в землю, казалось — умерщвленного, но встающего из-под земли, из смерти, чтобы повести солдат, рабочих, крестьян в последний, решительный бой.

«Крестьяне, озираясь, стали вылезать из изб, погребов. Они начали лихорадочно раскапывать едва забросанную братскую могилу. Каркали вороны. Псы принюхивались к мертвым. Крестьяне и беженцы отгоняли псов. Стали сбегаться дети. Они смотрели на непонятные дела взрослых. Крестьяне и беженцы рыли, чем попало, молча вытаскивая тела, щупая их и осматривая. «Есть живые». Из могилы сквозь пласт земли, которая шуршала и осыпалась, поднимался человек. Некоторые попятились. Это поднялся Орел. Он был бел, как мертвец...

Возьмите упрощенные и намеренно наивные описания природы.

«Рассветало. Над далекими темными лесами поднималось солнце. Утренние туманы таяли над реками. Свет начинал заливать всю Россию. Встрепенулись ранние птицы. Они вились над полями. Воистину, земля была несказанно прекрасна. Вернувшие себе свободу солдаты шли, дыша широко. На плотине шумела вода. В полях уже работали крестьяне...»

В этом есть какое-то отдаленное сияние «Легенды об Уленшпигеле». Может быть, Вишневский вводит в советскую литературу новый, очень нужный нам и правильный тип романа — роман-легенду.

Как всегда, Вишневский блестяще владеет диалогом.

«Помолчали. Ермолай сказал:

— Решать надо, не стоять же нам, одиноко середь мира.

Орел помолчал и сказал:

— Нам помогли освободиться. Значит, мы нужны, мы вернемся в полк, Соломон...

Соломон криво улыбнулся:

— Мм, какая радость!.

Ермолай спросил Орла:

— Чего ж там делать будем?

Орел посмотрел на одного, на другого:

— А вот отвечать на разгром большевиков. Армию делать будем...

Боер заметил:

— Хорошо. Для начала три человека есть. Остается подыскать миллиона три остальных.

Орел хлопнул его по плечу:

— Пойдем, пойдем, усталый, — и он ткнул его в могучую грудь. — Ну, так что ж, друзья, скажу я вам так: известный начальный стаж и испытание мы прошли... Считаю ячейку Российской Социал-Демократической Рабочей Партии большевиков нашего полка основанной... Пошли.

Соломон Боер улыбнулся:

— Ты не замечаешь, Орел, — мы уже идем».

В то же время книга написана стремглав. Я говорю не о рабочем времени писателя, я говорю о стиле. Стихия людей и событий подавляет. Нет в романе ни одной странички, ни одного местечка, где бы можно отдохнуть, посидеть в тишине, собраться с мыслями. Один необычайный эпизод сменяется другим. Выстрелы, взрывы, смерти, пожары. Может быть, это об'ясняется тем, что Вишневский ориентировался на кино. Чрезмерная стремительность изложения — это единственное, что можно поставить в упрек Всеволоду Вишневскому.

Второй роман — «Что человеку надо» Ильи Эренбурга, напечатанный в той же книжке «Знамени», посвящен событиям в Испании. Как это ни странно, есть много общего в двух этих романах. Ни в манере, ни в содержании тем более. Их об'единяет общее для обоих писателей желание отказаться от изображения преимущественно одного героя и сделать героями — всех. В романе Вишневского герой — революционный русский народ. В романе Эренбурга — испанский народ, в муках добывающий для себя свободу. Правда, Орел у Вишневского все же всегда стоит в центре событий. Внимание Эренбурга рассеивается. Он хочет видеть всех сразу, показать всех до одного. Сначала читатель даже теряется в этом хаосе лиц, характеров, восклицаний, событий. На одной странице — множество встреч, поступков, смертей, множество городов, батальонов, гор и долин. Лишь постепенно читатель, что называется, приходит в себя и начинает различать что-то в этой литературной стенограмме событий.

Показано зарождение республиканской армии. Дезорганизующая роль анархистов. Народ, овладевающий искусством войны. «Шли дружинники в трусах, с ручными гранатами. Девушки руками подталкивали древние пушки. Люди стреляли в окна, в призраков, в небо... Проносили открытые гроба: мертвецы щерились или улыбались. Тысячи труб, флейт, сопелок пели о будущем мира...». Командиры, в бою, под пулями расстающиеся с былыми иллюзиями, требующие порядка, боевой дисциплины, пушек, патронов. Смешное рядом с великим. Старик-анархист, через день после взятия города озабоченный вопросом о ликвидации публичного дома для создания в этом здании художественной школы. Бойцы интернациональной бригады, передающие добровольцам свой боевой опыт. Чудесный парень Маноло, порывающий с анархистами, ибо на фронте он понял, что их идеи несут гибель делу испанского народа. Многое в романе рыхло, впечатления отрывочны, это скорее литературно обработанные листки из записной книжки, но целый ряд эпизодов написан сильно, вдохновенно, а в целом эта книга Эренбурга представляет огромный интерес для советского читателя. Она написана во-время.

Здесь трудно рассказать подробно обо всех стихах, поэмах, рассказах, помещенных в журнале. Рассказы Курочкина, Юфит, Авдеева об'единяют общее для всех авторов стремление находить великое в простом, следить за переживаниями обыкновенных людей, под влиянием событий, поднимающихся до высот подлинного героизма. Особенно большое впечатление производят стихи азербайджанских поэтов Шаир Кязима «Ленин» и Ашуг Агиля — «Сталин». В них есть то, чего недостает многим из наших стихотворцев, — первозданная сила поэзии.

Площадь Восстания

С. Маршак

В Ленинграде у вокзала
В середине октября
Вдруг на площади не стало
Бородатого царя.

Что за сказочная сила
Унесла средь бела дня
Императора-верзилу
И тяжелого коня?

Бородатый этот всадник,
Коронованный урядник,
Вместе с лошадью своей
Убран с площади в музей.

Убран вместе с пьедесталом
Стопудовый властелин,
Чтобы места больше стало
Для проворных Эм-один.

Чтобы хмурое виденье
Не встречало поезда,
Не вставало темной тенью
Дней, ушедших навсегда.

Здесь, на площади Восстанья,
Помнят камни на земле,
Помнят каменные зданья
Первый выстрел в феврале.

Мимо этого вокзала
В дни и ночи Октября
Рать заводская шагала —
Кузнецы и слесаря.

Перед взором «миротворца»
За отрядом шел отряд,
Шли с винтовками ижорцы
Прибывая в Петроград.

Помнит памятник-свидетель
Гулкий выстрел на реке, —
Будто дверь с железных петель
Сорвалась невдалеке.

Медный царь смотрел устало,
Приуныл он и притих,
Ждал на помощь генералов —
Иноземных и своих.

Но пропали генералы
В исчезающем дыму.
Генералу у вокзала
Было скучно одному.

После многих дней суровых
Перебрался он в музей
И нашел медноголовых
Коронованных друзей.

К ленинградскому перрону
Дальный поезд подойдет,
На платформу из вагонов
Шумно выбежит народ.

И на площади Восстанья —
Знатной площади в стране —
Даже нет воспоминанья
О жандарме на коне.

Библиография

В Гослитиздате вышли книги:

✱ **В. Казин — «Беломорская поэма».** 5 тысяч. Цена 2 р.

✱ **В. Маяковский — «Хорошо».** 10 000 Цена 4 р.

✱ **Ф. Панферов — «Бруски»** в массовом тираже. 75.000. Цена 2 р. 85 к.

✱ **И. С. Тургенев — «Отцы и дети»** — 50.000. Цена 1 р. 25 к.

✱ **А. С. Пушкин — «Цыгане»** на цыганском языке. 1000 экземпляров по 25 коп.

✱ **А. С. Пушкин — «Станционный смотритель»** на каракалпакском языке. 2000 экз. Цена 35 коп.

✱ **«Дума про Опанаса» Э. Багрицкого.** Тираж 10.000 экземпляров. Цена 1 р. 30 к.

✱ **«Москва 1937 г.» Фейхтвангера.** Тираж 200 тысяч экземпляров. Цена 1 р. 50 к.

✱ **«Говорит Испания»** — сборник очерков и рассказов испанских писателей и журналистов. Тираж 10.000 экземпляров. Цена 3 р. 25 коп.

✱ **«Детство» А. Смолича.** Тираж 10 тысяч экземпляров. Цена 2 р. 75 коп.

✱ **«Мир» П. Панча.** Тираж 10 тысяч экземпляров. Цена 2 р. 50 к.

В издательстве «Советский писатель» вышли:

✱ **«Тоня»** — сборник новых рассказов **И. Ильфа и Е. Петрова.** Тираж 10 тысяч экземпляров. Цена 3 р. 75 коп.

✱ **«17 лет»** — сборник стихов **Э. Мадарас.** Тираж 5000 экземпляров. Цена 4 руб.

Шарик на сахарине

Эль-Регистан

Каждый день почтовая полутонка выгружает перед зданием на Большом Черкасском переулке кожаные кули с исписанной бумагой. Каждый божий день учрежденческие курьеры штурмуют крутые уступы лестницы, взбираясь на четвертый этаж. Груз навалом высыпается на стол, бледные курьеры-стахановцы, отирая рукавом пот, уходят назад по коридорам, шагая характерной походкой горцев-носильщиков.

Прибывшему грузу не дают долго залеживаться. Груз делят на сорок кучек и рассылают консультантам-рецензентам. Сорок рецензентов наметанным глазом пробегают странички, исписанные от руки и на машинках. Не задумываясь ни на минуту, сорок рецензентов решительно придвигают к себе чернильницы. Сорок рецензентов пишут. Час, два, ночь напролет. В разных концах Москвы Шелестит бумага. Жалобно пищат цитаты, вгоняемые между строк впритирку. Сорок рецензентов, снимая с пера волосок, тихо вздыхают:

— Только бы осторожнее с формулировками. Только бы никого не обидеть!..

...Поговорим же по душам, называя вещи своими именами, о плодотворной деятельности Гослитиздата на поприще советов начинающим авторам рецензирования их произведений и выявления новых литературных талантов.

Когда знакомишься с бесстрастными цифрами отчета литературной консультации Гослитиздата за десять месяцев, рука невольно тянется к шляпе — хочется хотя бы пять минут постоять в молчании, с обнаженной головой, в знак преклонения перед деятельностью нескольких безвестных тружеников пера и бумаги.

11.028,5 печатных листов авторских рукописей прочитано, изучено и прорецензировано за десять мимолетных месяцев, и чтобы не было сомнений, что здесь опечатка, мы повторяем эту цифру прописью: одиннадцать тысяч ноль двадцать восемь целых, пять десятых! На 9.538,5 печатных листов своих рукописей авторы получили письменные рецензии. Не бюрократические отписки, а письма с подробнейшим анализом каждого произведения — будь то поэзия, будь то проза. Я это утверждаю, и пусть тот, в ком есть сомнения, пойдет со мной на место происшествия, и мы еще посмотрим, чего там больше — авторских рукописей или отзывов рецензентов.

Около сорока человек занимается литературной консультацией, но всю ее тяжесть несут на своих плечах шесть штатных консультантов Гослитиздата и несколько наиболее активных консультантов со стороны. Строгие хозяева, чтобы не было баловства, посадили рецензентов на суровую сдельщину, и хотя норма выработки достаточно высока, штатные рецензенты перевыполняют ее вдвое, втрое, рецензируя в месяц по 300, 400, 500 печатных листов рукописей!

Но и среди нештатных попадаются люди, демонстрирующие чудеса производительности труда. Руководительница литконсультации тов. Пенькова удивительно красочно нарисовала облик одного такого скромного труженика.

— В прошлом году, — рассказывала тов. Пенькова, — мне понадобилось доставить на одно заседание рецензии нашего консультанта, поэта Вячеславова. Заседание происходило у нас, в Гослитиздате. И вы поверите, — продолжала тов. Пенькова тихим голосом, и гордость и волнение зазвучали в ее голосе, — вы поверите или нет, я не могла поднять папку с рецензиями Вячеславова! Пришлось нести вдвоем.

Я ей верил. Я ей безусловно верил. Там были рецензии, голые рецензии одного только рецензента — факт! Я слушал рассказ и смотрел на тов. Пенькову. Я не врач и не инструктор физкультуры, но я видел, чувствовал, что до трех пудов рецензий заведующая литконсультацией Пенькова могла бы поднять сама, не прибегая к посторонней помощи.

Путь рецензента отнюдь не усеян одними розами. Ставка штатного рецензента не превышает ставки завхоза, Гослитиздат толкает его писать десятки, сотни, тысячи штампованных фраз. Тов. Вячеславов, например, не сдал блестящих темпов в 1937 году, но молодой организм поэта не выдержал столь страшного напряжения. На-днях его подкосило, — как заверяет тов. Пенькова, — один вид стола, чернильницы и бумаги вызывает у больного приступы рвоты.

Рассказывая все это, мы далеки от мысли обидеть тов. Вячеславова. Что поделаешь — среда заела человека! Печальное явление, жертвой которого пал невинный поэт, рождено системой работы Гослитиздата, ухитрившегося в маленькой, тесненькой комнатенке организовать крупное индустриальное предприятие по массовой выработке штампованных рецензий.

Разбор самотечных рукописей, работа с начинающими — дело чрезвычайно тонкое и деликатное. Малейшая ошибка здесь, ненужная холодность, неправильно поданная надежда или нечаянно оброненное в беседе слово могут привести к печальным последствиям. Страна наша переживает творческую весну, у нас, как нигде, люди жаждут культуры и тянутся к литературе, окруженной почетом и любовью миллионов. Сотни людей мечтают стать Пушкиным — в стихе, Гоголем — в прозе; тысячи пишут, урывая золотые часы и минуты в промежутках между работой на заводе и на поле. И многие из них просто не подозревают, что литературное мастерство дается далеко не легко, что для того, чтобы стать хорошим писателем или поэтом, помимо таланта, нужно еще много и упорно работать, десятки лет изучать и книги и жизнь. Посылая свои произведения в литконсультацию, многие ждут от рецензента честного, правдивого слова.

Естественно, очень большие требования должны быть пред'явлены тем, кто сидит у истоков стекающихся со всех концов страны рукописей наивных и неграмотных, трезвых и ослепленных, способных и бездарных пишущих советских людей.

Среди штатных рецензентов Гослитиздата нет ни одного писателя или критика, среди остальных 35—40 нештатных едва сочтешь 5—6 писателей, поэтов... Человек, который в жизни своей ничего не написал, — может ли он научить писать другого? Не должно ли лицо, пожелавшее принять на себя почетное звание консультанта-рецензента, помимо большой эрудиции, хорошего литературного вкуса, чуткости и, если хотите, даже прозорливости, должно ли оно обладать хотя бы мужеством и элементарной честностью?

Некто Ш., как бы предвидя ответ Гослитиздата на наши вопросы, говорит устами своего героя так:

«Обладать такой способностью не каждый сможет, ибо истина, затрагивающая особенное чувство, всегда остается истиной, а рассудок — рассудком. Если действительно был такой человек с фактом этих свойств, то это очень редкий экземпляр не только способностей, но и нравоучений. Он был господин положения своего ума и других умов. Но от лишнего ума человек становится лишней медузой согласованных мыслей. Его ум перестает подчиняться его силе воли и, если и подчиняется, то подчинение уже превышает нормы своих гарантий...».

Прочтя эти строки, каждый здравомыслящий человек в удивлении протрет глаза. Увидев, что 500 страниц рукописи из числа 800 целиком заполнены такой бессмыслицей, каждый здравомыслящий человек заинтересуется состоянием здоровья гр-на Ш. Узнав, что автор здоров, каждый честный, здравомыслящий человек скажет гр-ну Ш., приславшему рукопись в Гослитиздат на консультацию:

— Друг мой! Чтобы написать девяносто печатных листов, вы работали все ночи напролет пятнадцать месяцев. Вы писали, воруя время у себя, у друзей, у родных, у производства, расшатывая свое здоровье. Вы человек с техническим образованием. Верьте, что страна нуждается в хороших техниках не меньше, чем в писателях. А что если б истраченное вами на этот роман время вы обратили бы на повышение ваших специальных знаний, на изобретательство в своей отрасли, на общественную работу, наконец, просто на самообразование? Друг мой, верьте честному слову: из вас писателя не выйдет! Бросьте это дело, ну его к чорту! Поймите, брат мой... Бросьте писать!!

Так скажет своему гражданину-собрату каждый честный советский гражданин, даже не имеющий никакого отношения к литературной профессии. Скажет мужественно правду, от начала до конца, скажет вежливо и чутко, но так, чтобы у гр-на Ш. не оставалось никаких сомнений в том, что его силы и способности нужно направить в другую сторону.

Увы!.. Рецензент подробно проанализирует рукопись гр-на Ш., отметит все ее стилистические, идейные и технические погрешности, посетует на то, что гр-н Ш. мало учится и недостаточно упорно работает над собой, сошлется на Горького, приведет цитату и с китайской вежливостью припишет: «Писать роман вы явно поторопились... Рукопись в таком виде никак не может быть издана Гослитиздатом».

Мужества сказать правду до конца у рецензента нехватает. Свою трусость он прячет за дымовой завесой дипломатических излияний: «Как бы чего не вышло!»

Некто, мечтающий стать поэтом, шлет массу стихов в таком стиле:

«Если ты ученье обожаешь,
Ты его навек обними.
Пусть оно в твоих об'ятьях
Как осенний лист дрожит.
И ты его с твоих уст взятым
Поцелуем света дрожи».

Белиберда! Бесхозяйственный расход дефицитной бумаги, годной на школьные тетрадки для того же автора стихов, независимо от его возраста. Рядом расходует бумагу сотоварищ по несчастью, рифмуя свои затаенные желания:

«Вино густое из стакана
За жизнь и счастье выпивать».

Откликаясь на поэтический зуд первого, рецензент осмеливается даже сказать, что налицо бессмысленный набор слов, но с привычной бойкостью переключается на стандартные советы о технике стихосложения, о том, что читать, чтобы научиться писать, пристегивает цитату, ссылается на примеры классиков. А второму, мечтающему о густом вине, после стандартного совета, спущенного с бумажного конвейера, приписывает: «Ясно, что это восхваление вина — не ваш голос, а перепев с чужого голоса, настроение, чуждое советской молодежи. Вы спрашиваете: стоит ли вообще писать? Отвечаю: для печати ваши стихи не подходят, но это не значит, что писать не стоит...».

Боязнь сказать правду открыто, стремление завуалировать, спрятать ее поглубже за вежливой формой отказа — такова болезнь почти всех рецензентов, и каждый из них поэтому оставляет лазейку для самого безнадежного автора, каждый невольно подает ему надежду, что дело не так уж плохо. Прочтя самую суровую рецензию литконсультации Гослитиздата, любой, самый тупой и бесталанный человек скажет:

— Ой, хитрит консультант! Есть во мне зерно таланта. Иначе, стал бы он так рассусоливать...

Такие рецензии отравляют организм человека, как никотин, как медленно, но верно действующий яд. Там, где человека надо спасти хирургическим вмешательством, вскрыв твердой рукой нарыв, — там ему преподносят гомеопатический шарик, изготовленный на сахарине.

Загубленным литконсультацией людям несть счета.

Юноша С. прислал в прошлом году первую, безграмотнейшую, беспомощную рукопись «романа» в 30 печатных листов. Ее просмотрели и выслали автору из Гослитиздата на Сахалин шарик на сахарине. Юноша проглотил шарик, во рту остался сладкий вкус, через пару месяцев он выслал об'емистую пачку стихов. Ему опять любезно послали по почте маленький предательский шарик. Он проглотил и этот, весной 1937 года выслал рукопись в 40 печатных листов нового романа «Тихая жизнь», еще более безграмотного и беспомощного. В Гослитиздате схватились за голову, сдали ее на рецензию чохом за 120 рублей. А юноша бомбардирует письмами и телеграммами, сообщая, что он работает над вторым томом «Тихой жизни», скоро закончит его и засядет за третий, — одним словом, вышлет к весне 1938 года еще 100 печатных листов.

Судя по адресу, несчастный, загубленный шариком на сахарине, юноша живет в рабочем бараке на стройке. Не трудно понять, что он заболел графоманией, и бактерии этой болезни засланы ему в конверте с письмом, сошедшим с ленты бумажного конвейера.

Сколько людей калечат боящиеся сказать правду до конца рецензенты «поцелуем света дрожащие»? Кто возместит потерянное время, кто оплатит разбитые надежды? Как вычислить убытки от этого психологического вредительства? Как их подсчитать, если заведующая литконсультацией Пенькова не могла донести до соседней комнаты тюк с рецензиями всего лишь одного консультанта из числа сорока штатных и нештатных?

Театр—Кино—Музыка—Живопись

«Страна Советов»

Документальный фильм Э. Шуб и Б. Агапова

История Страны Советов — революция.

Наша революция подготовлена и создана разумом и волею великой партии Ленина—Сталина.

Документальный фильм Э. Шуб и Б. Агапова составлен из кусков советской хроники.

Режиссер просмотрел на монтажном столе более 600.000 метров пленки.

Это равняется тому, если просмотреть сантиметр за сантиметром весь путь от Москвы до Ленинграда, запоминая и осмысливая каждый камешек насыпи.

Режиссер и сценарист не потерялись в этом изобилии материала.

Сцены сменяются на экране сценами не только в хронологическом, но и в историческом порядке.

Зритель понимает путь, нами пройденный, и удивляется разуму, воле и сердцу создателей истории.

Ленин произносит пламенную речь.

Идут первые бойцы Красной Армии.

Первые пестрые и бедно одетые красноармейцы стоят в первом строю.

Белогвардейцы, толстые и тонкие, приветствуют японцев во Владивостоке.

Японцы вылезают на нашу землю, одевая теплые шапки. Они явно боятся только мороза.

Немцы в Киеве. Немецкие солдаты снимают ранцы и скатки. Кладут на землю. Они явно считают, что приехали надолго. Едут со всех сторон интервенты. Но Красная Армия всех сильней. На экране Ворошилов, Фрунзе, Буденный, Первая конная.

Освобождается страна.

В Баку хоронят расстрелянных интервентами двадцать шесть комиссаров.

Старуха плачет. Фильм сохранил ее высокое героическое горе.

Площади стоят озерами булыжников. Извозчики, продавцы, бедность, отсталость. Голод. Маяковский, пишущий о разрухе.

Как мало киноаппарат заснял Маяковского.

Какое преступление, что не записан голос гениального поэта, лучший учитель понимания ритма стихов.

Начинается работа на Волховстрое. Под'емный кран сделан из дерева, его поворачивают руками.

Все это древне, как Суздальская Русь.

На глазах у тебя убыстряется история.

Начало строек. Днепрогэс. Магнитка.

Наша история подчинена воле.

Новую логику новой истории видим на экране.

На глазах изменяются костюмы людей, изменяются Красная Армия, фабрики и города.

Фильм, как будто, снят одним автором.

Наконец экран начинает говорить.

На экране Киров!

Киров говорит о смысле борьбы, о мировой революции.

Речь Кирова заново осмысливает все, что прошло на экране, речь его вдохновенна.

Во имя будущего и настоящего, для счастья нашей страны, для счастья мира, под землею работает Стаханов. Покрытый углем, выходит он из шахты, толпа приветствует новую эпоху.

Эти сцены были на экране, но сейчас они значат больше.

Многое из материала второй половины фильма зритель еще не забыл.

Лента «Страны Советов» показывает путь к победе. Мы видим работу комсомольцев и видим лучшее в мире метро.

Мы слышим Лазаря Моисеевича Кагановича, которого только что видели на экране говорящим на Красной площади первых лет революции.

Лента живет и прямым показом и сопоставлениями.

Стахановцы на экране.

На экране товарищ Сталин.

Он говорит о том, как создалось стахановское движение.

Рождаются слова.

Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее.

Радостной овацией отвечает зал.

Тов. Сталин закончил мысль: А когда весело живется, работа спорится.

К трибуне, к товарищу Сталину тянутся руки.

Он перегнулся вперед и пожимает сразу несколько рук, потом мягко освобождает руку, уходит среди счастливых людей.

Изменяется страна.

Под прекрасную песню показана работа колхозов.

Замечательные и новые люди на экранах. Женщина-колхозница, полная веселой гордости, говорит о женщинах Московской области, стараясь не обидеть мужчин.

Руководители кино, посмотрите на эту картину. Эти снимки нельзя заменить словами.

То, что не снято, то не увидят наши дети, то не увидим, чтобы вспомнить прошлое, мы сами.

Исторический день 25 ноября 1936 года.

Японцы пробовали в тот день нашу границу. Она оказалась жесткой.

В тот день мирные жители Мадрида с детьми на руках бежали в метро, преследуемые бомбами фашистов.

В тот день в Кремлевском дворце открылся Чрезвычайный VIII всесоюзный с'езд Советов.

Товарищ Сталин сделал доклад.

Видишь уверенность великой страны в будущем.

Видишь, что наша будущность в наших руках.

Замечательно слышать спокойную шутку товарища Сталина о господах из немецкого официоза. Товарищ Сталин говорит:

«Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «оно от них не зависит»...

Вся лента как будто иллюстрирует слова товарища Сталина.

Эта лента должна научить кинематографическое руководство работать над хроникой. Надо помнить, что кинохроника помогает людям понять историю.

Посмотрев на ленту, видишь, как плохо сейчас кино работает для выборов.

Значение Сталинской Конституции, как рубежа в истории человечества, не взволновало многих хронически больных кинематографистов.

Выборная хроника сейчас снимается плохо. Особенно плохо сняли Прасковью Пичугину.

Ее осветили небрежно, дали ей слишком мало времени, заставили торопиться.

Но вернемся к удаче.

Удача Э. Шуб и Б. Агапова очень большая.

Можно спорить о введении в документальную ленту стихов.

Но стихов немного, и в основном лента идет с публицистическими хорошими надписями.

Можно спорить с попытками давать в документальной ленте образы.

На экране роза — а диктор хорошим радиоголосом рассказывает, что лепестки розы открываются, как сердце.

Так в искусстве не делают.

Образы создаются в сознании зрителя или читателя, а не присылаются ему, как посылка.

Но это мелочь, и, если я прав, то ее можно удалить.

Дело не в том, что кусок плох. Он просто неверен и бесконечно хуже настоящих исторических образов ленты.

Прекрасно наше время.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

«Жизнь Бетховена»

К выходу нового русского издания книги Ромэн Роллана

Тридцать пять лет назад, в 1902 году, Ромэн Роллан выпустил в свет одну из своих замечательнейших книг — «Жизнь Бетховена». Эта маленькая книга в 80 страниц прославила имя автора не меньше, чем его «Жан Кристоф». Книга эта, написанная для «поколения первых годов столетия», скошенного империалистической войной, была переведена на многие языки. В дни столетнего юбилея Бетховена Роллан вновь переиздал ее.

«Я перечел сейчас эти страницы, — писал Ромэн Роллан в предисловии к новому изданию, — и, несмотря на их недостаточность, ничего в них не изменю: пусть хранят они свой первоначальный характер и печать великого поколения».

Книга Роллана — это поэма, проникнутая страстной привязанностью к великому композитору. Для Роллана Бетховен — не только музыкант: это прежде всего моральная личность, полная силы, веры в жизнь, любви к людям, истинной доброты. Пусть не все, сказанное в этой книге, точно соответствует фактам бетховенской биографии; пусть явно преувеличена «очищающая» роль страданий в жизни композитора. Но книга проникнута такой теплотой и столь проникновенно раскрывает образ Бетховена, что проходишь мимо этих условностей, устраненных самим Ролланом в другой его работе о Бетховене («Великие творческие эпохи»).

Роль Роллана в мировой науке о Бетховене огромна. Среди всего того, что писалось о Бетховене в XX веке на Западе, многочисленные работы Роллана на эту тему выделяются прежде всего тем, что их автор — единственный из всех — последовательно проводит мысль о глубокой непосредственной связи великого композитора с революцией.

В 1935 году Роллан печатает во французском журнале «Commune» этюд «Застольные беседы с Бетховеном», где на основании новейших публикаций («разговорные» тетради великого композитора за 1819—20 гг.) неопровержимо доказывает, что Бетховен в зрелые годы при меттерниховском реакционнейшем режиме встречался и дружески общался с революционно настроенной венской интеллигенцией.

Правдивые и последовательные высказывания Роллана о композиторе-революционере имеют особенно большое значение сейчас, когда буржуазное музыковедение насквозь проникнуто формализмом и мистикой, когда нет недостатка в авторах, рисующих Бетховена консерватором (Пауль Беккер), либо умеренным либералом (Шидермейер), либо ревностным католиком и убежденным арийцем (д'Энди и немецкие фашистские «музыковеды»). Ромэн Роллан—единственный из всех, пишущих на Западе о Бетховене, неустанно борется за чистоту и правдивость образа композитора. Для Роллана, так же, как и для нас, Бетховен был и остается одним из наиболее революционных образов мировой истории культуры.

*

Как издана «Жизнь Бетховена» Музгизом? К сожалению, приходится констатировать, что музыкальное издательство подошло к задаче издания этой классической работы Роллана без должного чувства ответственности. Хотя издательство сообщает, что «рукопись перевода была прочитана и проредактирована покойным проф. М. В. Ивановым-Борецким», но редакторской руки тут не чувствуется вовсе.

Советский читатель вправе требовать, чтобы это издание было не только воспроизведением точного авторского текста, но чтобы оно было дополнено новейшими данными, которые не могли быть известны автору 35 лет тому назад. Это тем более необходимо, что внесенные самим Ролланом в издание немногие дополнения совершенно недостаточны для удовлетворения законного интереса советского читателя. Между тем книга пестрит — пусть мелкими, но фактическими ошибками. Листок из альбома, цитированный на стр. 13, написан Бетховеном не в 1792 году, как указано на той же странице, а 22 мая 1793 года. Бетховен слушал университетские лекции «знаменитого Евлогия Шнейдера», но не «по немецкой словесности» (стр. 19), а по кантовской философии, что чрезвычайно существенно для выяснения философских взглядов молодого Бетховена. Фамилия автора текста бетховенских патриотических песен 1796—97 гг. не Фридберг (стр. 20), а Фридельберг. Концепция о взаимоотношениях Бетховена и Терезы Брунсвик, изложенная в книге, ныне устарела.

Письмо к «бессмертной возлюбленной», написанное, по новейшим данным, в июле 1812 года в Теплице (а не «у Брунсвиков»), никак не могло относиться к Терезе Брунсвик. Сам Ромэн Роллан приложил к изданию своей книги интереснейший очерк о сестрах Брунсвик (том. XV), в котором изложены новейшие данные по этому вопросу. 2-я симфония написана не в 1803 (стр. 35), а в 1802 году.

Музыкальное издательство предприняло издание всех музыковедческих работ Ромэна Роллана. Это дело первостепенной важности. Но его необходимо осуществить подлинно культурно, создав гарантии в полноценности перевода и комментариев.

А. АЛЬШВАНГ

Ромэн Роллан, «Жизнь Бетховена». Перевод С. А. Семеновского. Музгиз, Москва, 1937 г.

Сцена из II действия пьесы «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева в постановке Центрального детского театра. Слева направо: артист **П. П. Кириков** в роли сыщика, артистка **К. П. Коренева** в роли Гаврика и артист **Э. Э. Оппельдт** в роли Иосифа Карловича.

■ ■ ■

«БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ»

Пьеса В. Катаева на сцене Центрального детского театра

Смешной старинный пароход отвалил от берега. Зашлепали колеса, затрепетал на носу флаг, побежали навстречу облака, и зрители сразу стали называть знакомых героев.

В разбитном, любопытном парнишке тотчас узнали Петю, в добродушном пассажире с бородкой — г-на Бачей, а беглого матроса с броненосца «Потемкин», которого выслеживал сыщик Усатый, тотчас предупредили об опасности десятки дружеских голосов.

Впрочем, матрос и сам не зевал. Сбив с ног Усатого, он прыгнул в море и поплыл к далекому берегу.

Дальше было все, как в книге В. Катаева. Старый черноморский рыбак с внуком Гавриком спасли и спрятали беглеца... Назойливый сыщик дважды потерпел неудачу... Матрос Жуков скрылся от полиции в катакомбы... Петя поступил в гимназию... Вышел «знаменитый» николаевский манифест о свободах... В Одессе началось восстание, и простодушный гимназист, повинуясь находчивому Гаврику, стал доставлять восставшим патроны.

Парус появился в самом финале, когда, вырвавшись из тюрьмы, отчаянный потемкинец Жуков ушел на шаланде в море.

После перестрелки и драматической сцены на берегу это было самой замечательной развязкой. Наполненный ветром парус и летящие вдогонку шаланде вдохновенные лермонтовские стихи успокаивали зрителей, вселяли уверенность в непобедимости героев.

Пьеса, которую показал Центральный детский театр,—не инсценировка одноименной книги Катаева. Многое автору пришлось выбросить, сжать. Сюжет стал динамичнее, ярче, персонажи получили большую нагрузку, чем в романе. Если в книге главную роль играл сын учителя Петя, то на сцене центральная фигура — Гаврик.

Получился прекрасный спектакль: яркий, свежий и, несмотря на обилие острых драматических положений, замечательно радостный. Постановщику пьесы В. Д. Королеву удалось полностью сохранить аромат и прозрачные краски катаевского романа. Почти все действие происходит на фоне бескрайнего моря, под аккомпанемент набегающих волн. Тщательно, с большим тактом передан своеобразный колорит Одессы. Особенно удачны сцены: «пароход», «разговор Гаврика с сыщиком и торговкой», «берег моря», «одесский дворик». Сильное впечатление оставляет сцена погрома, когда толпа черносотенцев разбивает стекла в квартире Бачей.

Спектакль прекрасно оформлен заслуженным артистом республики художником В. Ф. Рындиным.

Актеры, располагая благодарным материалом, играли с большим под'емом. Образ простодушного, немного экзальтированного гимназиста Пети умно и верно передан М. С. Трибесовой. Запоминается сыщик Усатый (П. П. Кириков) — фигура, которую искренне ненавидит весь зал. К числу актерских удач следует отнести Бачей (Н. Н. Свободов), члена подпольного комитета Иосифа Карловича (Э. Э. Оппельдт) и торговку мадам Стороженко (Т. Н. Струкова). Это образы отлично продуманные, верно очерченные, богатые оттенками и поэтому убедительные.

Не все персонажи романа выиграли, попав на сцену. Дедушка, например, несколько поблек. Вместо бывалого черноморского рыбака, мужественного и сердечного, мы видим шамкающего «ватного» старичка. В исполнении артиста П. В. Чинарова проходит незамеченным даже такой прекрасный эпизод, как жалоба старого рыбака на бездельника Николая-угодника. Несколько одноцветен (правда, не по вине актера) Родион Жуков (В. А. Медяник).

Зато единодушное восхищение вызывает отважный Гаврик. Трудно вспомнить пьесу, в которой огромное сценическое обаяние артистки Кореневой воспринималось бы так полно и радостно, как в последнем спектакле.

Глядя на порывистого, звонкоголосого мальчишку, забываешь, что роль его ведет взрослый человек. А играть Гаврика исключительно трудно. В образе этого ближайшего родственника парижского Гавроша причудливо сочетаются черты ребенка и взрослого; прямодушие и лукавство, беспечность и осторожность, нежность и грубость. Сегодня он выпрашивает у незнакомого «дядечки» леденец, азартно обыгрывает приятелей в «ушки», завтра доставляет восставшим рабочим патроны.

Как трудно, не оступившись, не сфальшивив, показать ребенка — участника революционного подполья. А Коренева показала, и так, что Гаврик сразу стал детским героем! Всюду: на берегу моря, у постели горячечного матроса, в разговорах с приятелем Петькой, с сыщиком, базарной торговкой, подпольщиками — Гаврик неизменно остается маленьким бесстрашным сыном народа.

С большим художественным тактом удалось артистке передать своеобразный южный диалект, даже жестикуляцию одесского паренька. Что герой наш — настоящий рыбак, а Коренева — внимательная актриса — видно уже по одному тому, как Гаврик умело заплетает веревки.

Маленький черноморец вызывает хорошие, гордые мысли о будущем Гаврика. Каким замечательным бойцом стал к Октябрю этот смелый и яркий парнишка.

«Белеет парус одинокий» — несомненно лучшая постановка Центрального детского театра. В пьесе В. Катаева есть зерно подлинно революционной романтики, которой прежде так недоставало спектаклям детского театра. Это — приключения, в которых хочется участвовать, борьба, ни на минуту не оставляющая зрителей равнодушными.

Спектакль позволяет нашим пионерам и школьникам сравнивать свою жизнь с тяжелой долей отважного Гаврика, яснее различать и ценить все, завоеванное за эти годы народом.

С. ДИКОВСКИЙ

Дети—музыканты

Отчетный концерт Центральной музыкальной школы Московской государственной консерватории

Состоявшийся 28 ноября в 9 часов вечера в Большом зале Консерватории концерт детей-музыкантов, учеников Консерватории, еще раз ярко показал, как талантливы дети нашей родины, как вдумчиво и любовно работают над их творческим ростом лучшие педагоги Союза, как заботливо Советская страна лелеет свою счастливую одаренную детвору.

На концерте выступило 18 человек детей в возрасте от 8 до 15 лет. Большинство — пианисты и скрипачи.

Дети, исполняя сложнейшие классические музыкальные произведения, радовали вполне зрелой техникой, правильной и вместе с тем по-детски свежей трактовкой, которая придавала популярным произведениям особую непосредственность и молодость.

13-летняя Надя Рецкер и Рая Хусид (класс проф. Гольденвейзера) изящно и сыгранно исполнили сюиту Аренского для двух фортепиано.

12-летняя Рита Стие (класс проф. Мостраса) — скрипачка с прекрасной техникой. Она поразила аудиторию чистотой звуков и легкостью их в труднейших вариациях Каприса № 20 Паганини. Необходимо отметить также скрипача Леню Когана (класс проф. Ямпольского), пианисток Лиду Фихтенгольц (кафедра проф. Нейгауза) и Люсю Горфинкель (класс проф. Игумнова).

Бурей аплодисментов встретили слушатели выступления юных, но уже мастерски зрелых скрипачей Иоси Майстера и Нюмы Латинского.

Дети, исполняя на концерте произведения Крейслера, Сарасате, Шопена, Паганини, Листа и т. д., наряду с этим выступали не только как исполнители, но и как композиторы, демонстрируя свои собственные произведения.

Затянувшийся до часу ночи концерт был с большим вниманием и удовлетворением прослушан аудиторией.

М. А.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Нонешний денечек...

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ С АПОФЕОЗОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мафусаил Навуходоносорович Ной — заслуженный деятель.

Вера Ной—блондинка. Парашютистка.

Надежда Ной—брюнетка. Парашютистка. } Его дочери

Любовь Ной—шатенка. Парашютистка.

Курт Доннер-Веттер — муж Веры. Гад.

Икар Дедалов — летчик. Парашютист.

Сидор Влоб, по прозвищу Жмых — инвалид с воспоминаниями.

Иван Сидорович Влоб — полковник. Парашютист. Его сын.

Сильфида Захаровна — дальняя однофамилица Ноев. Ест яблоки.

Сергей Вашенцев — писатель.

И прочие...

Действие I.

НОЕВ КОВЧЕГ

Рояль. За роялем Ной. За Ноем — Сильфида. Ест яблоко.

НОЙ (задумчиво). До-ре-ми-фа-соль-ля-си!

СИЛЬФИДА (ест яблоко).

НОЙ (еще задумчивей). Си-ля-соль-фа-ми-ре-до!

СИЛЬФИДА (ест яблоко).

НОЙ (совсем задумчиво). До-си-ре-ля-ми-соль-фа!

СИЛЬФИДА (с'ев яблоко, берет другое).

НОЙ. Искусство — это чувство... Музыка... Гармония... Скрипичный ключ... Почему нет девочек, Сильфида?

СИЛЬФИДА (сквозь яблоко). Придут! (ест яблоко).

НОЙ (вдохновенно). О! они придут, все придут! Да! Да! Я понимаю. Так-так... Ну-ну... значит, они придут? а?

СИЛЬФИДА (сквозь следующее яблоко). Куда же им деваться?

НОЙ (проникновенно). Ага! Ну-ну! Так-так! Конечно... значит... Это верно! Да! Да!

(Один звонок. Входит Вера).

ВЕРА. О чем вы тут?

НОЙ (волнуясь). Вот, нет вас... Понимаешь? А?

ВЕРА. Так я же пришла!

(Два звонка. Вбегают Надежда и Любовь).

ОБЕ. Мы прыгали! Мы прыгнули!! Мы прыгаем!!!

НОЙ (волнуясь). Ну, ну... Да! Вы прыгаете! А я уже нет... А как бы я высоко прыгнул, если бы мог... А?

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ (с улыбкой). О, ты чудесный человек, папа, Ты хороший...

НОЙ (страстно). Да! Да! И в этом есть гармония: я хороший, вы хорошие, она (указывая на Сильфиду) хорошая. (Сильфида давится яблоком).

(Три звонка. Входят Дедалов, Жмых и Влоб.)

ЖМЫХ (продолжая). Да, Жмых тебе в дых, было времячко. Как сейчас помню... (оглядываясь, Ною). Здорово, старче!

НОЙ (удивленно). Так-так... Да! Да! Позвольте... Я понимаю... Ну, вот, вот... Здравствуйте, а? (обнимаются).

ДЕДАЛОВ (Любови). Здравствуйте, Любовь. Я люблю вас!

ЛЮБОВЬ (сдержанно). А я прыгаю. Я люблю прыгать, а не вас!

ВЛОБ (Вере). Здравствуй, племя младое, незнакомое...

ВЕРА (грустно). А я не прыгаю. Муж не велит. Как Анне Карениной...

ВЛОБ. А помните «Чижика» в четыре руки, на этом рояле? Тогда вы прыгали.

ВЕРА (тихо плачет).

ЖМЫХ (громко). А еще помню я такое дело...

(Звонков нет. Входит Доннер-Веттер. Тишина.)

ДОННЕР-ВЕТТЕР. Вера! (Вера, дрожа, бредет к нему).

ДОННЕР-ВЕТТЕР. Где вы были вчера от 17 до 19 минут седьмого?

ВЕРА (тоскливо). Я не помню, не говори со мной так.

ДОННЕР-ВЕТТЕР (свирепо). Молчать! Домой!! Куш!!!

ВЕРА (покорно). Я не могу спорить с тобой. Ты сделал из меня тряпку.

(Уходят.)

ВЛОБ (возмущенно). Полуневежда! Полуподлец! (Задумываясь). Но есть Надежда! (Подсаживается к Надежде. Шепчется с ней).

СИЛЬФИДА (горестно). Яблоки все!

ЖМЫХ (сочувственно). Такое дело, жмых тебе в дых...

Занавес.

Действие II.

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

Квартира Ноя. Именины дочерей. Накрытый стол. Гости.

ИКАР ДЕДАЛОВ (сидящей рядом Любови, тихо). Почему вы прыгаете от меня? Почему вы не прыгаете ко мне?

ЛЮБОВЬ. Мне не хочется попасть в затяжной прыжок.

ВЕРА (сидящему рядом Влобу, кивая на мужа). Он превратил меня в какую-то бездушную салфетку.

ВЛОБ (поднимая бокал). Пью за здравие Веры, милой Мэри моей... (Его прерывает репродуктор.)

РЕПРОДУКТОР. Полковнику Влобу штаб корпуса предлагает немедленно явиться для выполнения служебного задания. (Замешательство, Влоб уходит.)

НОЙ. Что это? Почему это? Куда это? Кто это? Ах, да, Влоб! Ну-ну... Ну, вот и хорошо!..

НАДЕЖДА. Ты, папа, не понимаешь. Долг!

ЛЮБОВЬ. Ты пойми, папа, долг ведь!

ВЕРА. Неужели ты не понимаешь, папа? Это долг.

ДОННЕР-ВЕТТЕР (вспомнив темное прошлое, ехидно). Долг платежом красен...

ДЕДАЛОВ. Пока не позвал долг, поднимаю тост за Любовь...

РЕПРОДУКТОР. Летчику Дедалову явиться в распоряжение командира эскадрильи...

ВСЕ ХОРОМ. Долг?

ДЕДАЛОВ (строго, гордо, скромно). Долг! (Уходит.)

РЕПРОДУКТОР (продолжая). Парашютисткам Надежде и Любови Ной, парашютистам Семенову, Иванову, Петрову, Сидорову...

(Гости расходятся. Остаются Ной и Жмых.)

ЖМЫХ. Такое дело, жмых тебе в дых!

НОЙ. Ага! Так-так! Долг — дело серьезное. Они полетят... Ну, да! По воздуху. Это опасно. Но в этом есть гармония. Долг—он звучит фортиссимо. Ну да! А?

Занавес.

Действие III.

СМЕРТЬ С УДОВОЛЬСТВИЕМ.

Лес. В ветвях дерева запутался парашют. Под деревом Любовь.

ЛЮБОВЬ (в бреду). Папа. Вера. Дядя. Кошка. Что это за дерево? Куда я лечу? Дедалов, ты слышишь? Ивар, Каря, Икочка! Папа. Тетя. Кошка. Жизнь. Смерть. Как хорошо жить! Как чудесно умирать. Смерть это не жизнь, она не такая, она не может быть такая, потому что такой ей не быть никогда. Ведь нельзя же быть такой, когда такая и не такая вовсе, а другая. Как хорошо! Как радостно! Икочка!!!

(В небе гудит самолет.)

Занавес.

АПОФЕОЗ

Большая солнечная поляна. Рояль. Ной.

НОЙ. Она не погибла. Она вернется. Она — герой. Она звучит фортиссимо. А может быть? Или нет?! Или?

Садится за рояль и вдохновенно импровизирует. Из-за трех сосен показывается писатель Сергей Вашенцев. Он проходит через всю сцену с развернутым «Знаменем» (№ 7 за 1937 год). За ним все герои пьесы... и ликующая редакция.

Быстро Вера уходит от мужа и прыгает с парашютом. Влоб разоблачает Доннер-Веттера. Дедалов прилетает с Любовью. Надежда выходит замуж. Жмых вспоминает. Сильфида ест яблоки. Репродуктор сообщает о награждении основных героев.

(Слышны стоны зрителей).

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПАМЯТНИК А. М. ГОРЬКОМУ

Беседа скульпторов с писателями

В трех городах Союза — в Москве, Ленинграде и Горьком будут воздвигнуты памятники А. М. Горькому.

В связи с продлением об'явленного правительством открытого конкурса на проект памятника, состоялась творческая встреча скульпторов и писателей.

Скульпторы обратились к писателям, близко знавшим А. М. Горького, с просьбой помочь им найти верное художественное решение образа великого писателя.

На призыв откликнулись Вс. Иванов, П. Павленко и А. Н. Тихонов.

П. Павленко говорил об удивительной биографии Алексея Максимовича, стяжавшей себе легендарную славу в народе, и в заключение заявил:

— Найти образ Горького в скульптуре, значит — воссоздать образ писателя-трибуна.

— Когда я думаю о скульптурном воплощении образа А. М. Горького, — говорил А. Н. Тихонов, — я невольно вспоминаю один момент. Это было в 1905 году, на спектакле пьесы А. М. Горького «Дачники» в театре В. Ф. Комиссаржевской. Зал раскололся на два лагеря. Революционная молодежь, наполнявшая галерку, радостно приветствовала своего писателя. Буржуазная публика партера яростно свистела. Назревал скандал. И вдруг на авансцене появился Горький. Он стоял, большой, прямой. Он обводил глазами зал, и под его взглядом враги замолкали. Вот таким и представляется мне памятник Горькому: борец, смело глядящий в лицо врагу.

На беседе скульпторов и писателей присутствовали гости из Испании и среди них — известный революционный художник-скульптор Виторио Мачо, автор замечательных работ. Исполненный им бюст любимой героини испанского народа — Пасионарии — Виторио Мачо привез в подарок нашей стране.

К. О.

Репертуар Театра Революции

Московский Театр Революции готовит две пьесы — «Овечий источник» Лопе де Вега, в постановке заслуженной артистки республики О. М. Пыжовой, и «Два веронца» Шекспира, в постановке заслуженного артиста республики М. Ф. Астангова.

Шекспировский спектакль первоначально готовился как дипломная работа студентов школы Театра Революции, но затем было решено включить его в основной репертуар театра.

На-днях театром принята к постановке и будет показана в текущем сезоне пьеса И. Г. Добржинского «Ивашка Болотников». Пьеса написана белыми стихами. Постановка ее поручена режиссеру В. Н. Власову.

Готовящиеся к постановке историческая и классические пьесы, не определяют лица Театра Революции, который в основном должен быть театром советских пьес на современную тему. Но с советской пьесой дело здесь обстоит значительно сложнее.

По плану театр должен показать две новых современных постановки до конца текущего года и премьеру к двадцатой годовщине Красной Армии.

До сих пор театр не только не приступил к репетициям этих спектаклей, но неизвестно, какие современные пьесы будут им поставлены. Правда, в портфеле театра — пьесы Б. Левина «Под ясным небом», Л. Рахманова «Беспокойная старость», А. Завалишина «Платовка» и другие, но вопрос о постановке этих пьес не обсуждается.

ФЕЛЬЕТОН

О КРИТИКЕ

Вас. Лебедев-Кумач

Вы скажете,—тема моя не нова,
Я сам это с горечью вижу,
Но в этом совсем не я виноват,
А те, о которых ниже.

Критикой мы отнюдь не бедны —
В любом журнале отыщешь
Разного сорта и разной длины
Статейки, статьи и статьищи.
Пишут о прозе и о стихах,
Абзацы привычно сплетая,
Пишут о пьесах, о книгах... Но как?
Вот тут-то и запятая!

Новая пьеса в театре идет.
Смотришь рецензий пачку
И видишь верблюда, который жует
Знакомую нудную жвачку:
— «Автор пьесы «Сон на даче»
Ставит ряд больших задач.
В тексте пьесы и в подаче
Есть находки и удачи,
Есть и много неудач.
В общем, так или иначе —
Автор пьесы «Сон на даче»
Не сумел решить задач.
Все же пьеса волновала,
И актерский матерьял,
Несмотря на все провалы,—
Все возможности давал.
Хоть начало не звучало,
Но зато звучал финал.
Автор — не стоит на месте
И, хоть есть ошибок ряд,
Все же сделал он — по чести —
Шаг вперед и шаг назад.
Правда, линия не вскрыта,
Но пленяет широта...»
Так чернильная улита
Заполняет пол-листа:
— Ти-та-дри-та, ти-та-дри-та!
Ти-ти-дри-та! Тра-та-та!
Подобных рецензий — огромная масса,
Они, как осеннее небо, скучны, —
Рецензии типа «Ни рыба — ни мясо»,
«С одной стороны... и с другой стороны»,
Но есть и другие—их тоже немало.
— «Стулом по черепу!» — вот их девиз.
Раскрой пухловатую книжку журнала
И зверским нокаутам навек удивись:
— «Вышла повесть «Дорога» Аркадия Чуева.
Каждый честный читатель, стоящий на страже,
Прочитавши, невольно промолвит: — Ату его!
Пасквиль! Грязный навет! Измышление вражье!
В книге даже названье звучит издевательски —
Чья «Дорога»??? Куда??? Кем «Дорога» проложена???
Эта мерзкая книга активом читательским
С бесконечным презреньем должна быть отброшена:
Мы не ступим на грязную вашу «Дорогу» —
Не по ней, не по ней мы идем нога-в-ногу!».

Но критики могут не только хаять—
Неисповедимы их пути —
Хорошая книга или плохая, —
Могут вдруг до небес вознести!
Напишут статьищу — ни мало, ни много
Сорок страниц — и везде фимиам,
Как будто является новый Гоголь,
Или рождается Пушкин сам:
— «Граждане! Праздник печатного слова
Я об'явить вам рад!
Новая книга Фомы Гусакова —
Вклад! Драгоценный вклад!
Книгу с восторгом прочтете вы сами,
Я же скажу лишь одно:
Автор рисует большими мазками
Яркое полотно!
Под этой книгой, большой и полезной,
Подпись поставил бы сам Лев Толстой.
Сразу войдет она в фонды: железный,
Медный, серебряный и золотой!

Товарищи критики! Не будьте строги—
Мне далек обобщений грех:
Мой фельетон написан про многих,
Но — уверяю вас — не про всех.
И к тем, про кого он был написан,
И к тем, про кого написан он —
Я обращаю свой скромный вызов:
— Скорей опровергните мой фельетон!
Делом! Статьями высокой культуры,
Такими, что пишутся с жаром в крови!
Критика нашей литературы
Требует знаний, забот и любви!
Пускай не будет пустых и вредных
Разносов, похвал и штампованных фраз.
Товарищи-критики! Вы — полпреды
Лучших в мире читательских масс!
Спектакли, романы — большие вещи,
Их не построишь в день или в два.
Помогайте по-дружески, по-человечьи,
Плечо к плечу, засучив рукава, —
Не заушением, не величанием,—
Поддержкой, советом, мыслью живой
Критика это —
производственное совещание,
А не банкет и не суд полевой.

Похороны Сулеймана Стальского

От нашего спец. корреспондента

Похороны Сулеймана Стальского носили всенародный характер. Тысячи народа заполнили все улицы, прилегающие к зданию Дагестанского ЦИК. В день похорон перед гробом Сулеймана Стальского прошло свыше 18 тысяч человек. Гроб вынесли представители правительства Дагестана и прибывший на похороны ответственный секретарь правления ССП тов. Ставский.

В похоронной процессии приняли участие лезгины, кумыки, таты, прибывшие из далеких горных районов, чтобы сказать последнее прости своему великому земляку, стахановцы заводов, воинские части и трудящиеся Махач-Кала.

Великий поэт похоронен в центре большого сквера, на берегу Каспийского моря.

Траурный митинг у могилы народного поэта закончился выступлением сына Сулеймана Стальского — Мусаиба, который прочитал стихи, посвященные памяти отца.

Товарищи, почтим того,
Чье тело здесь лежит мертво.
Сегодня видим мы его,
Безмолвного, в последний раз.

Он был всегда правдив и прям.
Огонь стихов оставив нам,
Проклятье вечное — врагам,
Отец любимый мой угас.

Он с партией, с народом шел.
Для светлых дагестанских сел
День смерти Стальского тяжел:
Лазурный — черным стал для нас.

Оставив дома орден свой,
Ты больше не придешь домой, —
Но продолжать твой труд живой,
Отец, клянусь я в этот час!

Ужель молчать родным устам?
Ни слова не услышать нам?
Нет, не истлеть твоим словам,
Пока сияет наш Кавказ!

Еще вчера ты с нами жил
И песнь о Сталине сложил.
Но больше нехватило сил,
Дорога песен пресеклась.

Вот Мусаиб, твой сын, стоит,
И вся душа его болит —
Для сердца злее нет обид!
День холоден — отец угас.

Перевел с лезгинского
П. ПАНЧЕНКО

Роспуск правления ССП в Грозном

ГРОЗНЫЙ (наш корр.). На состоявшемся расширенном собрании членов Союза советских писателей Чечено-Ингушетии, с участием литкружковцев и работников издательств, решено распустить правление местного союза писателей. Пролезшие в правление буржуазные националисты Арсанов, Мамакаев, Яхшаатов, Автарханов протаскивали в литературу вражеские идеи и разваливали работу союза, отталкивая наиболее активных писателей и молодежь. Писатели обязались повысить революционную бдительность и выкорчевать остатки вредительства. Избран оргкомитет для проведения выборов нового правления.

Собрание приняло также ряд решений об улучшении работы союза.

Новый том пушкинского «Временника»

Издательство Академии наук СССР выпускает IV том пушкинского «Временника», посвященный историческим взглядам и историческим произведениям великого поэта.

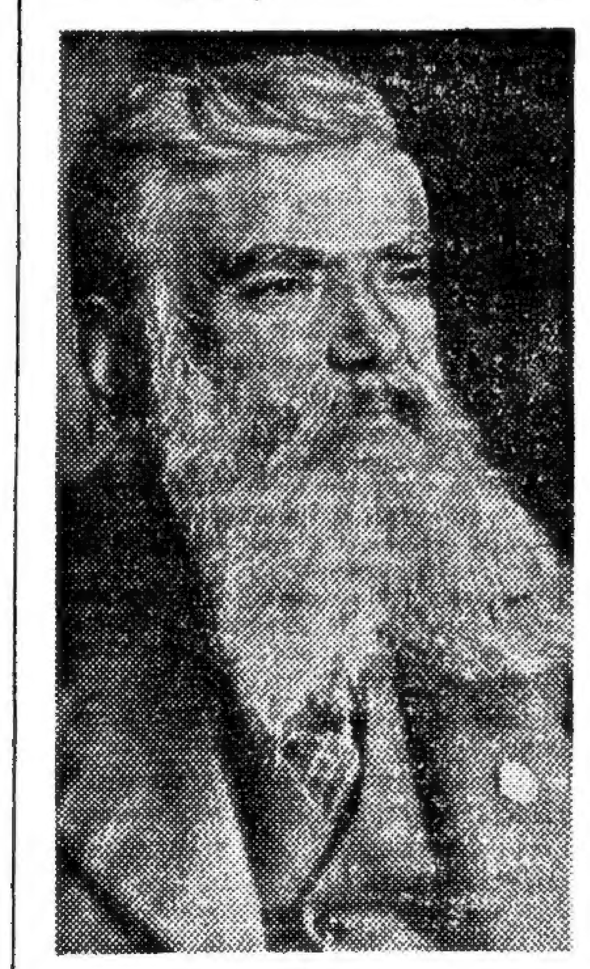
В этот том включены неизданные тексты Пушкина, из которых особенно значительный историко-литературный интерес представляют впервые публикуемые варианты «Капитанской дочки» и «Полтавы».

В отделе «Исследования и статьи» печатаются работы «Об исторических взглядах Пушкина», «Влияние на Пушкина римского историка Тацита», «Пушкин и Радищев» и др. Отдельные статьи посвящены «Медному всаднику», «Истории Пугачева», «Полтаве» и «Капитанской дочке».

В книге отведен специальный раздел материалам о жизни А. С. Пушкина. Из них особый интерес представляет публикация новых сведений о дуэли с Дантесом.

Том «Временника» заканчивается обширной библиографией по Пушкину.

Исидоро Асеведо

Находящийся в СССР испанский писатель-коммунист Исидоро Асеведо — автор романа из жизни астурийских горняков «Кроты», известного советским читателям по отрывкам, напечатанным у нас в сборнике «Испания в огне». Писатель ведет в Испании большую общественно-политическую работу. В частности, в продолжение долгого времени он был генеральным секретарем ассоциации революционных писателей и художников Испании.

Исидоро Асеведо обратился к советским читателям и писателям со следующим приветствием:

«Я очень рад приветствовать со страниц «Литературной газеты» ее читателей, а также советских писателей, с таким успехом участвующих в строительстве социалистического общества в стране, которая в двадцатую годовщину Октябрьской революции может с полным правом гордиться тем, что она стоит во главе мировой цивилизации.

Москва 28—XI—1937 г.».

Учебник «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А. В. Шестакова вызывает большой интерес за границей. Книготорговые фирмы 52 стран мира купили через Всесоюзное об'единение «Международная книга» свыше 10 тысяч экземпляров этого учебника. На снимке: **контролер экспортного отдела «Международной книги» т. Н. А. Борисов проверяет экземпляры учебника перед отправкой их в США.** (Союзфото).

Трибуна читателя

СОЕДИНИТЕЛЬНОЕ ЗВЕНО

Правильно поставил тов. Вл. Артемьев в заметке **«Теснее связь с массами читателей** (№ 61 «Литературной газеты») вопрос о необходимости тесного контакта между писателем и читателем. Но при этом он не указал на важнейшее соединительное посредствующее звено между писателями и читателями. Это звено — библиотеки и библиотекари. О посредстве библиотек между писателем и читателем, если не ошибаюсь, очень горячо говорили перед всесоюзным с'ездом писателей, но потом этот вопрос заглох. Опять напомнил об этом, но вскользь по поводу всесоюзного конкурса на лучшую сельскую библиотеку писатель Федор Гладков.

Между тем, вопрос о формах связи писателя с читателем — вопрос далеко не праздный. Дело идет для писателя о реализации указания товарища Сталина — «чутко прислушиваться к голосу масс».

Такие виды работы библиотек с читателями, как сбор читательских отзывов о прочитанных книгах и читательских биографий, не могут быть успешно развернуты без руководства и контроля со стороны писателей.

При планомерной и углубленной постановке этой работы советские писатели и поэты могли бы получать для себя прекрасный и ценный материал.

А. МАРТИНЕЛЛИ
Библиотека им. Ленина, г. Смоленск

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 61 «Литературной газеты» от 10 ноября было напечатано письмо слушателя Военной академии им. Куйбышева Вл. Артемьева «Теснее связь с массами читателей». Тов. Вл. Артемьев поставил вопросы, заслуживающие того, чтобы их обсудил на своем заседании президиум Союза советских писателей. Между тем эта организация прошла мимо письма тов. Артемьева. Мы ждем от президиума ССП, что он в ближайшее же время даст на страницах «Литературной газеты» ответ на вопросы, поставленные тов. Артемьевым.

На литературном декаднике

26 ноября, на литературном декаднике союза писателей и журнала «Литературная учеба», Е. Долматовский прочел свою поэму **«Дзержинский»**. Слушателями были члены заводских литературных кружков и начинающие авторы.

Большинству слушателей поэма понравилась.

Но и недостатки были указаны автору. Отобранные им факты биографии Ф. Э. Дзержинского неравноценны по своей значимости и не всегда переданы с нужной глубиной и силой. Стихи о Дзержинском должны звучать в другом, более напряженном и остром ритме.

Е. Долматовский впервые взял тему такого огромного значения и отнесся к ней с той серьезностью, которой молодому поэту нехватало раньше. Но со своей задачей автор далеко не вполне справился, работу его нельзя считать законченной. Многое надо доработать.

Таков общий смысл высказываний.

Собрание прошло оживленно.

Молодой задор, горячность, смелость мнений! Как не похвалить эти качества. Прямота и резкость суждений — это как раз то, что автор должен услышать на товарищеском обсуждении его нового труда.

Надо сказать, что Е. Долматовский без достаточной терпимости и уважения встретил дельную критику. Ополчившись на тех, кого он резко охарактеризовал как «юродствующих молодых людей» и «клоунов литературных собраний», Е. Долматовский не проявил достаточной скромности, с которой следовало принять справедливые замечания.

Хочется пожелать молодым поэтам: больше взаимного уважения и чуткости, больше серьезности.

АС.

Вредная книга

О романе М. Козакова «Девять точек»

В Ленинграде на совместном заседании секций прозаиков и критиков ЛенССП состоялось обсуждение романа М. Козакова «Девять точек».

Вступительное слово к обсуждению сделал Л. Плоткин, давший обстоятельную политическую и художественную критику книги М. Козакова.

Роман М. Козакова, — сказал он, — претендует быть историческим романом. Но на самом деле историзм романа чисто внешний, мнимый. История подменена хроникой событий, а рассмотрение этих событий ведется с неправильных позиций. Центральная фигура романа, кадет Карабаев, явно идеализирован автором, показан по вредному рапповскому «методу» «живого человека». Развитие событий в романе таково, что книга логически подводит читателя не к Октябрьской социалистической революции, а к февралю 1917 года.

История, по М. Козакову, творится не народом, а... правящими кругами царской России. Следует удивляться тому, что эта книга, изобилующая грубыми эпизодами и антихудожественными ляпсусами, не вызвала своевременного отпора со стороны литературной общественности, около 9 лет безмолствовавшей и своим молчанием не способствовавшей исправлению серьезных ошибок М. Козакова.

В прениях приняли участие тт. Б. Лавренев, В. Саянов, Н. Чуковский, А. Шабанов, А. Дымшиц, П. Федотов и библиотечный работник т. Колчина, говорившие о серьезных недостатках романа М. Козакова.

А. Шабанов отмечает, что писательская общественность сильно запоздала с критикой романа М. Козакова. Но и сейчас далеко не всеми писателями осознано, что роман М. Козакова об'ективно меньшевистский.

Библиотекарь т. Колчина отметила, что история с романом М. Козакова должна побудить писательскую общественность к пересмотру ряда книг, пользующихся незаслуженной репутацией.

Ф. ПАВЛОВ

Новые материалы о Льве Толстом

В ближайшее время Московский государственный литературный музей выпускает очередной том «Летописи», посвященный жизни и творчеству Л. Н. Толстого.

В него включены новонайденные две с половиной тысячи листов автографов великого писателя и более 5 тысяч листов новых материалов о нем. Особый историко-литературный интерес представляют отдельные страницы из дневника писателя за 1897 год.

Любопытен такой факт:

В дневнике Толстого, после записи от 3 мая за 1897 год, стоит:

«Вырезал, сжег, то, что написано было сгоряча».

В рукописи дневника, хранящейся в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина, в этом месте вырезано два листа. Их считали безвозвратно погибшими. В действительности, однако, эти листы не были уничтожены, а сохранились в бумагах П. А. Буланже.

Из содержания этих листов понятно, почему Толстой хотел их уничтожить: в них говорится об отношениях С. А. Толстой к С. И. Танееву, заставивших не мало пережить и переволноваться великого писателя.

Несмотря на то, что Толстой привык свои задушевные мысли и чувства записывать в дневник, он всячески избегал записей об отношениях С. А. Толстой к С. И. Танееву. Единственная запись об этом—от 12 января 1897 г.—была вырвана Толстым из дневника и уничтожена. Этой же участи должны были подвергнуться и публикуемые в «Летописи» листы.

Не меньший интерес представляют публикуемое письмо Л. Н. Толстого в иностранные газеты о гонениях на духоборов в России и беседа писателя с крестьянином М. П. Тарабариным в 1894 г.

Специальный раздел «Летописи» посвящен неизданным письмам Льва Николаевича к ряду лиц, в частности Е. П. Сытиной, М. П. Погодину, Д. Д. Оболенскому и духоборам, содержавшимся в Московской пересыльной тюрьме.

Остальные материалы посвящены высказываниям о Толстом. Особый интерес в этом разделе представляют два письма Победоносцева к редактору «Церковных ведомостей» П. Смирнову об отлучении Толстого от церкви.

Всего в толстовском томе «Летописи» около 40 печатных листов.

Находятся в печати и два последующих тома «Летописей», один из которых посвящен декабристам, а второй — жизни и творчеству Глеба Успенского.

Литературная жизнь фабрик и заводов

«ВАЛЬЦОВКА»

(«Литературное об'единение» завода «Серп и молот»)

В конце 1929 года собралось четверо. Они читали друг другу стихи упоенно, жадно, ненасытно, никого и ничего не слыша. Этот поэтический ток и послужил началом возникновения замечательного литературного кружка «Вальцовка». Как только в цехах узнали о «Вальцовке», сюда потянулись люди почти со всех цехов заводской громады. Первыми пришли подручные из мартеновского Назаров, тянульщик Тюльпанов, слесарь Петруленко.

Время возникновения «Вальцовки» — первая пятилетка. Ведущей темой для поэтов в это время служил их завод, их мартен, выполнение пятилетки в четыре года, страстная и неукротимая борьба за металл. Поэты шли со своими стихами в цеха. Их стихи печатала заводская многотиражка «Мартеновка». На плакатах кричали все те же зовущие к победам строфы. «Живая газета» перед рабочей аудиторией выходила с инсценировками своих поэтов. Тематика стихов была подчинена прежде всего заводу, его славной производственной борьбе.

Члены литкружка к этому времени вышли за пределы заводской территории: их стихи печатались почти во всех московских газетах и журналах, были изданы отдельными сборниками.

Им стало тесно в замкнутом кругу. Чтобы не вариться в собственном соку, не топтаться на месте, «Вальцовка» всем своим творческим коллективом бывала в гостях у литкружков на заводах им. Кирова и «Электростали», на Госчасовом, вела творческую переписку со Сталинским заводом (Донбасс), держала связь с подшефным колхозом Плавской МТС.

На Первый всесоюзный с'езд советских писателей «Вальцовка» получила делегатский мандат.

Но ни с чем несравнимым был один из весенних дней, когда вместе со всеми на Красную площадь пришел и московский гигант «Серп и молот». Четырнадцать тысяч рабочих прошли мимо мавзолея с песней сталеваров, сложенной поэтом завода А. Филатовым.

Дышит печь неугасимым жаром,
И всегда бушует, как гроза, —
Синие очки у сталеваров
Сдвинуты на зоркие глаза...
Нам-ли, сталеварам, не гордиться —
Видите: из нашего литья
Самолеты шумной вереницей
Над родной республикой летят...
Мы, большевики-энтузиасты,
Глянем на родные корпуса.
Видите, красавец коренастый
В синие дымится небеса.
Мы над ним работали немало
И подняли на своих плечах.
Это все из нашего металла,
Сваренного в собственных печах.

Песне славного четырнадцатитысячного коллектива аплодировали трибуны Красной площади.

Растут поэты «Вальцовки». Далеко и безвозвратно отодвинуто время кустарщины, наития и пресловутого «нутра». Поэты заводского литературного об'единения засели за учебу. С. Назаров, Мих. Скороходов, А. Филатов, Ив. Шестаков учатся в Литературном институте Союза советских писателей.

Нам часто приходится слышать сетования на то, что-де отсутствие помощи литкружкам на предприятиях со стороны Союза писателей приводит литкружок к развалу. Мы не снимаем вины с Союза советских писателей. Но здесь уместно спросить: что делают и что предпринимают сами литкружки, чтобы сохранить свой коллектив и двигать вперед свою работу?

Люди обычно сидят, пригорюнившись, у окошечка и ждут суженого из... Союза советских писателей. А суженый не идет, да и суровый дядя-завком слишком занят своими делами. Руки у людей бессильно опускаются. Такова, примерно, краткая история конца многих литкружков.

Как обстояло дело в этом случае у «Вальцовки»? Первые два года ею руководил Александр Швецов. Потом Швецова не стало, и литкружок был предоставлен самому себе. Развалился он? Нет! Он отлично живет и здравствует до сих пор. «Вальцовка» сама пошла к писателям. И мы знаем, что с поэтами здесь работали и Вл. Луговской и Н. Н. Асеев, и Уткин, и Осип Колычев.

И все это сделала личная инициатива.

Близок исторический день выборов в Верховный Совет СССР. Готовится к выборам огромный рабочий коллектив завода «Серп и молот». Его «Мартеновка» извещает:

«Литкружковцы К. Чирков, М. Железнов, М. Кожемякин, В. Дьячков и др. включены в художественные бригады для выступления со своими произведениями на избирательных участках района».

«Вальцовка» живет и делает большое и нужное дело.

Н. ОСТРОВНОЙ

Кружок рабочих-критиков

Мы просматриваем десятки номеров заводской газеты Электрокомбината имени Куйбышева, в которой есть специальный критический отдел. Мы читаем множество отзывов, собранных в специальном альбоме.

Все эти статьи написаны хорошим языком, честно, правдиво. И, самое главное, рабочие-рецензенты относятся к новому для них труду чрезвычайно серьезно.

Но что же удивительного в том, что рабочие Электрокомбината любят и понимают книгу? Им предоставлены все возможности для развития литературного вкуса. На заводе превосходная библиотека в 55.000 томов. Такой библиотекой мог бы гордиться большой районный центр. В день выдается 500 книг. С 1936 до 1937 г. спрос на книги возрос в два с половиной раза.

Вот в этой прекрасной библиотеке организовался кружок рабочих-рецензентов. Казалось бы, Союзу советских писателей следовало обратить внимание на это значительное дело. Помочь ему. Но вместо помощи получился вред.

Заведующая библиотекой т. Пустоварова рассказывает, как работал кружок на заводе и как его развалили.

— Вначале собирались работники библиотеки и читатели. Обсуждали новые книги. Некоторые стали писать рецензии, их печатали в заводской газете. Рецензентами стали люди, которые вначале не знали, как и начать разговаривать о книге.

Работникам библиотеки стало не под силу руководить кружком. Обратились за помощью к писателям. Помочь взялся писатель Ингобор. На первое заседание кружка явилось 28 слушателей. На второе — 20. На третье—3. Люди разбегались. Им было скучно с т. Ингобором. В изложении писателя Ингобора художественная литература выглядела так, что она у рабочего слушателя не вызывала ничего, кроме зевоты и раздражения.

Электрозаводцы справедливо винят писателя Ингобора в развале работы кружка. Но разве один Ингобор виноват в этом? Нет, во сто крат больше виноваты люди, его пославшие.

Н.

Творчество и культура

МОСКВА

✱ **На Велозаводе** ведется подготовка к большому литературно-художественному вечеру, посвященному разбору романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Инициатор вечера — коллектив читателей ремонтно-механического цеха. В этом цехе еще в конце октября были организованы громкие читки отрывков из «Анны Карениной».

✱ Библиотека **Автозавода имени Сталина** в начале декабря организует литературные вечера, посвященные разбору книг: «Пограничники» М. Слонимского, «Мое поколение» Бражнина и «Я, сын трудового народа» В. Катаева. Вечера состоятся в центральной библиотеке завода и в ее филиалах.

✱ Библиотека завода **«Динамо» имени Кирова** только что закончила конкурс на лучшие стихотворение, рассказ, очерк, посвященные выборам в Верховный Совет СССР. На конкурс поступило несколько десятков литературных произведений, написанных рабочими завода и членами их семей.

ЛЕНИНГРАД

В связи с 20-летием Октябрьской революции на нескольких ленинградских заводах проведены литературные конкурсы.

На **заводе им. Сталина** первую премию получил сверловщик т. Дворцов за рассказ «Литье». Долбежник 19-го цеха т. Епанчин написал стихи о девушках, уехавших работать на Дальний Восток; т. Епанчин занял в конкурсе второе место.

С большим успехом прошел на **«Красном треугольнике»** конкурс на лучшую песню о заводе. Рабочие, служащие и инженеры прислали свыше шестидесяти песен.

Жюри присудило первую премию рабочему т. С. Чеснягину.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ИЗДАТЕЛЬ:
Журнально-газетное об'единение.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—29631

Типография газ. «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30.